

ТЕОДОРО ДИАС АСЕЙТУНЕРО

КАТАЛОНСКАЯ КОМПАНИЯ

Исторический роман

18+

Теодоро Асейтунеро
Каталонская компания

«Автор»

2026

Асейтунеро Т. Д.

Каталонская компания / Т. Д. Асейтунеро — «Автор», 2026

1303 год. На Балканах тесно сплелись судьбы Византии, французских завоевателей Эллады и наёмников-каталонцев из далёкой Испании. Никита, юноша из обедневшего греческого рода, вынужден бежать из родных мест. Он примыкает к Каталонской компании — закалённому в боях войску, прибывшему в Византию для войны с турками. Так начинается путь, который проведёт его через кровавые сражения в Малой Азии, Константинопольский дворец, и земли французской Эллады. Никите предстоит узнать цену братства, верности и предательства. На фоне реальных исторических событий разворачивается история молодого человека, которому война не оставляет права оставаться прежним. «Каталонская компания» — историко-приключенческий роман о войне и любви, мужском братстве, о верности своему слову и страшной цене предательства. Роман обращается к малоизвестной странице европейского Средневековья — истории Каталонской компании, прошедшей через Малую Азию и Балканы и в итоге завладевшей Афинским герцогством.

© Асейтунеро Т. Д., 2026

© Автор, 2026

Теодоро Асейтунеро

Каталонская компания

Каталонская компания

Содержание:

Пролог

Замок

Бездомный пес

К Эвбее

Среди волкодавов

В столице

На войне

Зимовка в Артаки

Хранислав

Рожер де Флор – кесарь Романии

У царя Святослава

Ад во Фракии

Дикая женщина

Афинское герцогство

Побоище

Эпилог

Пролог

Я был сыном двух земель, принявших наследие непревзойдённого Рима.

Все жители этих земель считали себя римлянами, но одни называли других греками, а греки-ромеи презрительно именовали тех латинянами и кельтами. Ненависть была взаимной.

Сначала патриарх Фотий упрекнул латинян – насчёт целибата, *филиокве* и первенства Папы. Полтора века спустя его последователь выбросил Святые дары и растоптал пресный латинский хлеб.

Филиокве (лат. – *Filioque* «и от Сына») – добавление, сделанное в VII веке Западной (Римской) церковью к догмату о Троице, согласно которому Святой Дух исходит не только от Бога-отца, но «от Отца и Сына». Окончательно было принято в XI веке и стало одним из поводов разделения Вселенской Церкви.

Из Рима в Константинополь, самый христианский город, пошли послания и стали сыпаться обвинения.

– Подобно симонианам, вы продаёте дар Божий.

– Как николаиты, позволяете служителям алтаря вступать в брак.

– Вы отрицаете филиокве – исхождение Святого Духа не только от Отца, но и от Сына.

– Как назареи...

– Как валезиане...

И прочее. Анафема патриарху и его глупым сообщникам.

В ответ – Риму.

– Вы почему бороды бреете? При сотворении Бог создал мужчину отличным от женщины. Отлучены!

– Ваш *целибат* богопротивен, и те, кто брака гнушается – тоже богопротивны.

– Филиокве – вы твердите, что Святой Дух исходит не только от Отца, но и от Сына...

Отлучены!

– Литургию служите на пресном хлебе.

– Допускаете, чтобы овдовевший женился на свояченице.

– Епископы ваши ходят на войну и оскверняют руки убийствами.

– Крестите одним, а не тремя погружениями в воду.

И ещё, и ещё.

Цelibат – безбрачие.

Отлучены, отлучены, отлучены!

Ну и ладно. Отлучены так отлучены. Два мира, два собора, духовники изрыгают хулу и проклятия. Но за ними стоят два дивных мира, проросших из огромного распластанного тела древнего Рима. Два мира, два брата, которые копили ненависть.

Старший брат богат и коварен, в меру воинственен.

Младший жесток и храбр.

Из-за спины папского Рима выглядывали провансальские бароны и неукротимые рыцари из дикого Парижа на севере, калабрийские норманы, германцы, арагонцы из молодой Испании, венецианцы и генуэзцы. Они не знали, что такое филиокве, но были уверены, что греки – подлые еретики, от которых даже Бога тошнит и это даже детям известно.

А за Константинополем стояла огромная Империя – с богатыми купцами, крестьянами-хлеборобами, виноделами, пастухами и воинами-горцами, воинами-акритами и тяжеловооружёнными всадниками-катафрактами. Были и другие той же веры- православные болгары, сербы и русы, от Чёрного до Ледовитого морей. Они знать не знали о целибате, но то, что латиняне мерзкие люди, звери, было им ясно.

– Не в филиокве дело, – сказал мне дядя Танасис, – Людям не нужна причина, чтобы ненавидеть друг друга.

И добавил: – А убивать и вовсе.

Братья копили ненависть. Но молодой копил и силы, а старый их терял. Растущее тело молодого мира от Кордовы до Магдебурга наливалось мышцы и дотянулось до Святых земель – Заморской Палестины.

Коли так, значит, мы сильны, и сто, и двести лет будут уходить наши рыцари и простолюдины, девы и дети будут гибнуть от голода и жажды, будут драться, побеждать и умирать, а мы пошлём ещё. Мы прошли через земли сербов, болгар и греков, лишь бы убедиться в уже известном – мерзкие людишки это, мы ль их не знаем? Жалко им воинам Божьим отдать краюху хлеба; подлые, они на нас ещё и нападают. Говорят, что мы воры, убийцы, что мы у них последний кусок отнимаем.

Да ну! Это что ли по-вашему убийства?

Крестоносцы в Святые земли ходили не раз и не два, но они растворились на пыльных дорогах. Однако в Константинополе надолго осталась община венецианцев и генуэзцев. Эти наглые, бесстыжие и ловкие купцы вытесняли греческих, разоряли ремесленный люд, снимали все сливки с тысячелетнего перекрёстка торговых путей – Проливов. Жили они в роскоши, в богатом предместье по ту сторону Золотого рога. Так все и говорили: – Пера – на той стороне. Презирали местных.

И в один майский день междуцарствия тысячные толпы горожан напали на латинян. В ярости жгли их дома. Грабили. Убивали повсюду, невзирая на возраст и пол. Уцелевшие кинулись к своим кораблям в заливе – их жгли «греческим огнём». Латинян не просто грабили и разоряли, всё их племя уничтожали под корень. Так посеяли семена, – сказал летописец из Салоник, – Из которых выросли колосья на ниве *Персефоны*, а потом наступила жатва.

Персефона – в древнегреческой мифологии богиня царства мёртвых.

Те, кому удалось спастись, начали мстить и жечь острова в Пропонтиде - Мраморном море. Они разнесли по всему Западу молву о неслыханном, ветхозаветном истреблении.

Три года спустя после этой резни норманы взяли Салоники, а ещё через пару десятилетий, в 1204 году от Рождества Христова, выросшие сыновья растерзанных венецианцев с

фламандцами, германцами и бургундцами перешли через стены Константинополя и началось разорение, какого мир ещё не видел.

Богатства, собираемые столетиями, исчезали за считанные дни, пожары уничтожали кварталы позолоченных домов, мраморные портики обращались в известь. Захватчики убивали и насиловали. За три дня град Константина был полностью разграблен, но ещё три года добычу вывозили на Запад. Статуи, мощи, саркофаги... Списки длинные, их можно читать сутками – что уплыло в Венецию, что было погружено для отправки во Францию или Германию. Бесконечный перечень, как говорили осведомлённые.

Уродливо сочетали святотатство с благочестием, искали везде святыни - мощи, древо Креста Господня, сосуды со слезами Христа.

Святыни, собранные за целое тысячелетие и бережённы́е в Святой Софии и Большом дворце, делили как орехи и отправляли в родные места, надеясь с помощью этих даров заполучить вечное блаженство.

Из Константинополя рыцарские дружины отправились забирать свои доли от великой Империи – Фракию, Фессалию, Пелопоннес, обширную Анатолию и горный Эпир. По большому счёту им это удалось, и взяли бы всё, если б их не усмирил неожиданный союзник греков – болгарский царь Калоян. Он остановил рыцарей страшным разгромом под Адрианополем во Фракии и два года бил их при каждой встрече. Однако и греков он не щадил, за что те его прозвали ромеооктон, убийца ромеев, и сразили под Салониками копьём Святого Димитрия.

Но остались – Латинская Империя со столицей в Царьграде - Константинополе, вассальные земли в Пелопоннесе, Афинское герцогство и Королевство Салоники.

Так завоевали греков пришельцы с Запада. А я был потомком покоренных и завоевателей. Возникло новое племя, к которому я всецело принадлежал, – гасмулы.

Жил я, шестнадцатилетний гасмул, в герцогстве Афинском, на земле барона де Клари, в доме под названием «Остров», находившемся в долине реки Кефис перед её впадением в озеро Копайда.

Это была моя родина, другой я не знал. Но мои предки пришли сюда издалека, из охваченного огнём Константинополя.

Когда в город ворвались рыцари и сержанты Балдуина Фландрского и Бонифация Монферратского, будущего короля Салоник, моя прабабушка по матери, которой тогда было столько же лет, сколько мне сейчас, вместе с членами семьи и соседями побежала в порт, чтобы перебраться на другой берег, в Анатолию. Женщин спрятали в середину, девицам испачкали щёки пеплом, чтобы они выглядели неряшливыми и латиняне оставили их в покое. Этот случай был описан Никитой Хониатом, так утверждал дядя Танасис, но мне не верилось.

У храма великомученика Мокия звероподобный алеманн, проходя мимо замершей группы, как волк ягнёнка, выхватил прабабушку из толпы и потащил её по переулку к Месе, главной улице Константинополя. Отец её, престарелый судья, зарыдал и на коленях стал просить вышеупомянутого Хониата спасти его дочь. Тот устремился за похитителем, плача и умоляя встречных латинян ему помочь. Он хватал их за руки и кричал: «Вы же постановили, что не будет поругания жён и девиц!» Нашлись милостивые и вместе с Никитой побежали за сластолюбцем. Когда настигли, стали проклинать, угрожать ему виселицей и даже размотали верёвку. Тогда негодай отпустил свою добычу и Никита Хониат вернул её отцу.

Уже за стенами города он упал на землю и зарыдал. Рыдать было из-за чего. Стены храминимого Богом Константинополя стояли, но сам город дымился, уничтоженный пожарами и грабежами.

Переплыли на анатолийский берег и двинулись по стопам ромейских войск в маленькую Никею. Крестьяне по дороге им нисколько не сочувствовали, насмехались и злорадствовали по поводу бед, настигших знатных беженцев. Воистину, давно зияла пропасть между столицей

и провинцией и вырыта эта пропасть была высокомерием, алчностью и безразличием к тем, чей труд был в основе столичного благополучия.

Хониат остался в Никее, а наши решили, что, уж коли рыцарские дружины идут по пятам, то падение Никей вопрос времени, поэтому отправились морем подальше, в Элладу, где в Беотии у них было имение. Однако Никея устояла, а вот с севера вторглись войска Бонифация Монферранского и без боя занимали одну область за другой. Утешало лишь то, что первоначальная страсть к грабежам у латинян поостыла, да и Бонифаций, уже ставший королём Салоник, не был таким надменным мерзавцем, как император Балдуин, и хотел с местными ладить. Он занял земли, которые сейчас называются Афинским герцогством, и отдал их своему верному вассалу де ла Рошу, чьим потомкам мы кланяемся по сей день.

Де ла Рош раздал своим рыцарям государственные земли, заодно отнял и церковные, поскольку местные священники не желали брать в руки оружие, а здешних *архонтов* он оставил в покое при условии, что они будут четыре месяца в году служить ему в походах и четыре - нести гарнизонную службу.

Архонты – военно-аристократическое сословие в Византии.

Прабабушку выдали замуж за сержанта-латинянина, который остался на службе после войны гол, как сокол, с одним только скудным жалованием. Он обзавёлся домом, а наши обрели защитника из числа завоевателей. С тех пор наша кровь продолжала смешиваться в каждом следующем поколении. Дядя Танасис, который мне приходится кем-то вроде прадедушки со стороны отца, утверждает, что, он, мол, чистокровный эллин, да в это как-то не верится.

– Дядя, – спрашиваю я, – Так кем мы друг другу приходимся?

Он начинает пространно разглагольствовать, потом путается и из его повествования уяснить что-либо невозможно. Однако, о древних временах он рассказывает очень гладко.

Моим сеньором был барон де Клари. Я считал, что мы сособственники согласно грамоте – *Casaux de parcon*, и в нашем совместном владении находилась оливковая рощица и Кампо Моро в миниатюре – три *зевгара* тутовника, на котором крестьяне выкармливали для своего сеньора коконы шелкопряда.

Casaux de parcon – совместное владение латинского завоевателя и греческого архонта.

Зевгар – земельный участок, который обрабатывался на паре волов, а также подать с этого участка.

О гасмулах говорят, что они от ромеев унаследовали хладнокровие в битвах, а от латинян - храбрость.

– А у тебя, – сказал мне дядя Танасис, – От рыцарей алчность, а от нас, греков, бесхарактерность и непостоянство.

Я ходил к нему часто – повидаться, да заодно и займы попросить.

– И как ты думаешь жить дальше?

Дядя в нашем захолустье был заметной личностью – он был грамотным, писал крупными буквами письма от крестьян к их родным, за что ему давали ячменный хлеб, воробьёв, пойманных в тростнике, намазанном клеем, или втихаря добытую рыбу. У него имелось два десятка оливковых деревьев возле дома и корова.

– Да видно будет...

– Пора уже решать. Либо в солдаты, либо в ученики управляющего у барона, определяйся, тебе уже не десять лет.

– Отец говорил, чтобы я в солдаты не шёл.

Он посмотрел на меня и усмехнулся.

– Говорил, да только земли тебе не оставил. Ни лавки какой-нибудь, ничего...

– Дядя, – ответил я с обидой, – Землю отец мне оставил, у нас с бароном *casaux de parcon*.

– Так это барон имеет, а не ты. Где твои деньги?

– Сейчас засуха, уже не первый год. Следующей осенью попрошу свою долю.

– Не знаю, ты действительно глуп или так легче – ждать, ничего не делая? С чего это барон тебя в пайщики взял? Эту землю и я могу считать своим наследством, и ещё добрая сотня родственников, которых ты знаешь и не знаешь.

– Если бы у нас был майорат, как у латинян, тогда не дробились бы наши угодья, – сказал я.

Дядя посмотрел на небо.

– С майоратом ты бы тоже был нищим, и я, и отец твой. И не узнали бы мы никогда об этом дутым наследстве. Барон сделал из тебя ширму, чтобы такие, как он сам, в суд с тяжбами не лезли. А ты поверил. Пайщик нашёлся. Вчера меня люди спрашивали, как поживает кир Никита, верно, деньги на Рождество получит от шелков Кампо Моро? И лыбятся. Да над тобой даже вороны смеются!

Кир Никита – это я. По словам дяди, крестили меня именем избавителя бабушки, Никиты Хониата. Показывал мне дядюшка и адресованное ему стародавнее письмо от этого знаменитого вельможного книжника, но оно мне казалось сомнительным.

– Дядя, – сказал я задушевно и вкрадчиво, – Ты можешь одолжить мне немного денег?

– Дам, конечно. Только почему ты опять без денег, у тебя же позавчера было целых три аспра? Что ты купил?

Что, что... Бархатную шляпу себе купил, с зелёным ободком и пером. Не новую. Потом понял, что она не подходит к моей скромной одежде и убрал её до лучших времён.

– Никак не пойму, как ты всё сразу тратишь и потом ходишь без гроша. Можно подумать, у тебя в карманах серебра полно. Но этот долг не прошу.

Я негодуяще махнул рукой – мол, я и не рассчитывал на прощение долга. Хотя такое бывало не раз.

– Вчера меня отвезли на рынок в Семивратные Фивы, – сказал дядя.

Так он называл город герцога де ла Роша, с рыцарским замком и базаром, полным венецианцев, веронцев и мавров. Не знаю, почему он так говорил, ворот там несомненно было меньше.

– Пробовал какие-то стёкла, через них читать можно, глаза будто на пятьдесят лет моложе. Думаю, к весне куплю. Можно корову продать или с десятков олив. Ем я всё меньше, а всё больше в книгах ищу забвение. Когда тебе восемьдесят стукнуло, хорошего ждать уже не приходится. Мне солнце глаза испортило, не знаю, говорил я тебе или нет. Смотрел на солнечное затмение перед битвой при *Пелагонии*.

В битве при Пелагонии в 1259 году Никейское царство одержало победу над коалицией латинских государств.

Об этом он мне рассказывал раз десять. Тогда все ждали, что после этой битвы никейский базилевс их освободит, и Афины с Фивами, и Фокиду, и Пелопоннес на юге. А он освободил от латинян только Константинополь, во славу всех ромеев, а на нас у него сил не хватило.

– В солдаты я не пойду, сразу в архонты. Соберу дружину и прогоню латинян обратно в море, – сказал я и сам себе поверил. Воодушевился и добавил: – И куплю тебе стёкла для глаз, когда разбогатею.

– Какая твоя половина будет гнать латинян и какая будет их защищать? – дядя Танасис потрепал меня костлявой рукой по щеке, – Хорошо, что ты милый, иначе был бы большим мерзавцем. А насчёт стёкол – не доживу я до того времени, когда ты озолотишься. И в солдаты ты не годишься.

– Почему это я не гоюсь?

– Безалаберный ты, хотя и смелый. Но сегодня ты хочешь стать солдатом, вчера собирался стать трубадуром, а до этого – сбежать с пилигримами. Если тебя случайно архонтом назначат, ты всё войско без хлеба оставишь, зато штаны себе парчовые купишь.

Ближе к вечеру я отправился домой.

Замок

Я родился и вырос в прекрасной долине, которая называлась Копайда. Ложбина с широким ровным дном, плодородными пашнями, пятнами болот, обширным озером, окружённая горами со всех сторон, куда ни посмотришь. От последних хребтов Парнаса, подобно вытянутой руке, проходил кряж, и заканчивался горой, похожей на кулак этой руки, а на горе сиял замок де Клари. Под горой, омывая её с востока, медленно текла река, мутная и жёлтая.

Снизу гора была окутана мглой и виден был только верх замка, будто висевший в воздухе. До первой трапезы сборщиков маслин солнце пробивается сквозь туман, высушивая напитанную водой землю, потом начинает припекать, а с низин и от реки поднимаются рваные полотнища тумана.

Гасмул в разорённом доме, с грамотой на *casaux de parson*, о которой никто знать не хочет. Я встал с постели с неясными намерениями – сходить туда-сюда, сделать то-то и то-то, потом засиделся дома и никуда не пошёл.

Не знал, что делать сегодня, не знал, что буду делать завтра. Ходил кругами по дому и по двору в дурном настроении.

По дороге, шагах в двухстах от моего двора, проходили крестьяне, они уже шли с одного поля на другое. Я спрятался в доме, чтобы ни с кем не разговаривать.

– Никита, – услышал я тоненький голосок, после того, как у моего крыльца остановились две лошади. Ворот у меня не было, заходи, кто хочет.

– Каталонцы идут из Сицилии!

Дочь барона Изабелла, Иза, она же Люнет, маленькая луна по-французски. Неприятная девчонка с рыжими косичками. Мило с тобой разговаривает, но при этом нет-нет, да и съехидничает. С ней был Гийом, сержант из замка. Мне вручили маленькую корзинку с вином и копчёными угрями. Большая корзина предназначалась для дяди Танасиса, Изабелла ходила к нему слушать рассказы о былых временах и людях, которых давно уже не было на свете.

– Ты почему вчера в замок не пришёл? Все напились, – она посмотрела на спутника и неискренне добавила: – Кроме Гийома. А твой дядя говорит, что Земля круглая и какие-то люди её обогнули, и Африку обогнули. Солнце там светит с другой стороны, не как здесь.

Какие каталонцы, из какой Сицилии? И почему не вытекает море, если Земля круглая? Вот что пришло мне на ум, только разговаривать не хотелось.

– Ты же *жантильом*, почему так живёшь? – тихо спросила девочка, когда сержант отвел коней пастись на мой двор, заросший травой. После вчерашней попойки в Круглой башне ему тоже не хотелось вести беседы.

Жантильом - дворянин; благовоспитанный человек.

– А как я должен жить?

– Приходи к нам на службу. Будешь у нас столоваться, и жалование у тебя будет каждый месяц. Почему тянешь время?

Не мог же я ей сказать, что люблю её мать. Да и не только из-за этого. Даже не из-за того, что столовался бы вместе с прислугой и стражниками. Но мне пришлось бы стоять с копьём у ворот и всё прочее. Четыре месяца в году проводить в походах, если таковые будут, ещё четыре месяца служить в крепости. А у меня *casaux de parson* – общее с бароном владение.

Люнет ещё что-то говорила, а я думал о присказке – раз живое, значит, проклятое. Как быстро выросла эта девочка, которую я когда-то нянчил, теперь она ехидничает и меня злит. Мне было лет пять-шесть, когда я высаживал её на горшок, радовался ей в замке, и моё сердце трепетало каждый раз, когда входила её мать и склоняла над малышкой светло-золотистые локоны и белоснежную грудь, покрытую парчовым крепом.

– Юсташ де Сальбрюи скоро приедет, – сказала Люнет, – Дадим ему землю и он будет нам служить. С пятью оруженосцами, щитоносцами, конюхами и другими людьми.

– Какую землю?

– Не знаю. Барон, мой отец, тебе велел принести грамоту на Малое Кампо Моро...

И смотрит невинно.

Рыцарь Юсташ уже полгода шёл сюда из Фландрии, да никак не мог дойти. Но не это меня потрясло, а мгновенная связь – Малое Кампо Моро и новый рыцарь, с прибытием которого силы барона возрастут ещё больше.

Так никуда я и не пошёл. Выпил вина, закусил угрем, вздремнул, а ближе к вечеру отправился в замок.

Каждый идёт к своей судьбе. А иногда ускоряется и просто бежит. Бежал и я – навстречу тому, что меня ждало, как водораздел времени. И то, что я остановился ещё до переправы, не замедлило мой путь к судьбе, а наоборот, будто пращой кинуло вперёд.

– Кир Никита, – позвал меня Василис Сгур и слегка поклонился.

Звали его Сгуром по деду Леону, который однажды напился и заявил одному из пришельцев: – Я *Леон Сгур* и я отрублю тебе голову. Нынешний его потомок, насмешник и болтун, вместе с двумя зятьями и телегой, гружёной сохами, ждал, когда на переправе станет поменьше народа. Тяжёлая челюсть расширялась книзу на его и без того грубом лице.

Леон Сгур – знаменитый греческий феодал, успешно воевавший против латинян в начале XIII века.

Я повернулся к нему и не успел ответить, как он усмехнулся:

– Говорят, пайщиком барона станешь...

Я мгновенно вскипел. Вчера дядя Танасис меня доставал, сегодня Люнет подкалывала, да и настроение было кислым из-за того, что происходит. Выпитое вино ещё не выветрилось и я был немного пьян. Сгур это понял, решил поправить сказанное, но сделал только хуже, когда спросил:

– Так чьё теперь Кампо Моро будет?

Я моргнуть не успел, как моя рука сама повернулась и ударила его кулаком по подбородку.

С него слетела шляпа, сам он качнулся назад, ошарашено глядя на меня. Зятья его подхватили, один из них поднял твёрдую от пота шляпу.

У них была и коса, и вилы, а у меня только кинжал слева на поясе, втроём они могли бы меня в порошок стереть. Но они промолчали.

Я быстро пошёл к переправе. На нас оттуда смотрели. Половина народа всё видела и делилась впечатлениями с остальными.

– Хамло злобное, – сказал Сгур за моей спиной. Негромко, но я услышал.

Я не остановился, не вернулся. Потом сожалел, что сгоряча ударил Сгура. Не остановился и когда один из зятьёв Сгура крикнул мне вслед:

– Тупой мизиец.

Я этого не понял. Думал уже о замке и о своей любви к баронессе.

Прошёл мимо пустующей виселицы, стоявшей у подножия холма – между селом и замком. Дорога в крепость вьётся, как изнурённая на равнине змея, с усилием вползающая на гору. Местами вырубленная в скале, местами вымощенная колотым камнем, она изгибалась вокруг холма, чтобы телеги с хлебом и оливковым маслом могли добираться до складов барона. Последняя петля дороги на голом, постоянно вырубаемом, только лишь кое-где поросшем мелкими кустиками холме, вывела меня к воротам. Оттуда была видна и вся огромная равнина, и река, текущая далеко внизу, под обрывом. Первый ряд крепостных стен низкий, за ним – высокие башни, стоящие близко друг к другу и соединённые зубчатыми стенами, сложенными из серого камня вперемешку с жёлтыми брусками.

У ворот на стуле, держа копье, сидел Фану, напыщенный пикардиец, с таким видом, будто он маршал, а не *serjans a pie*, пеший оруженосец.

– Здорово! – сказал я ему, – Из Сицилии каталонцы что-ли идут?

– Из Сицилии отправились, – ответил он неохотно, – Уже в Монемвасию прибыли.

– Где наши? В *вестиере* убираются? – усмехнулся я. Он промолчал.

Vestiarre – помещение в замке, где надевались боевые доспехи.

Упомянутое место приводилось в порядок всем воинством замка, с полудня до заката, и оттуда все выходили с красными лицами и заплетающимися языками.

Я миновал переплетение башенок, проходов и лестниц, поднялся и сверху увидел, как въезжает во внутренний двор тяжело нагруженная повозка с оливковым маслом из маслобойни. Прошёл мимо вестиера, не заглянув к тем, кто там находился, и повернул к круглой башне.

Земная твердь стоит на трёх китах. И на трёх других китах держится наш мир – *oratores, bellatores, laboratores*. Священники, кюре и монахи, которые за всех нас молятся. Затем следуют воины, скрепляющие мечами земной порядок. И, наконец, работающий люд – крестьяне и горожане, купцы и ремесленники, чей труд всех кормит. И кто не стоит на спине одного из этих трёх китов – тяжело ему. Он никто, отщепенец. Из каких я был? Вместе с мамой мы ухаживали за оливами вокруг дома и удобряли их, имея возможность собирать помёт в голубятне замка. По отцу принадлежал к архонтскому роду. И кто я такой? И что мне делать? Стать трубадуром? Трубадур поначалу прислуживает при дворе графам и баронам. И слагает настоящие песни, а не те корявые, которые я по ночам сочинял для баронессы.

Круглая башня снаружи была квадратной, но внутри круглой, как бочка, украшенной гобеленами нежных расцветок поверх сурового камня стен. Огромный камин и стол рядом с ним. В швах каменной кладки, заполненных известковым раствором, торчали гвозди, на них висели секиры, копья и щиты.

Я хотел быть весёлым и непринуждённым, но, когда она повернула голову в мою сторону и слегка улыбнулась, смог лишь скованно произнести:

– Донна!

– Никита! – воскликнула она, будто я не приходил два раза в неделю и не говорил ей, что любовь через глаза проникает в сердце влюблённого.

Молчал. Смотрел на её лилейно-белое чело, носик и золотые волосы, окружившие переливчатый блеск глаз.

– Никита, – повторила она и замолчала. Потом сказала просто: – Я думала о тебе.

Я молча поклонился.

– Мой *Персиваль*, ты должен служить. Так больше не может продолжаться. Твоя мать была по закону римской гражданкой.

Персиваль – храбрый, но несколько неотёсанный рыцарь.

Я снова поклонился, не стал возражать. Да, моя мать числилась латинянкой, хотя крестьяне раскланивались с ней как со своей и звали в крёстные своих детей: «Кирия Марио, ты ведь нам не откажешь?»

– Буду служить Вам, донна Элеонора, и никому другому. До самой смерти служить буду.

– Служи моему супругу. А, значит, и мне.

Потом она сматывала тонкую хлопковую нить в клубок, а я натягивал руками моток пряжи и наклонял их вправо и влево, чтобы нить шла ровно.

– Думала о тебе, – повторила баронесса и у меня ослабли ноги, – И о себе думала. Когда была в твоём возрасте... Девушка из знатного рода – Куртенэ. Высокородней ещё поискать надо. И знаешь, как плакала, когда меня выдавали за простого рыцаря. Но

тогда моя мать сказала: «Кто смиряет гордыню, завтра возвысится. А с чванливых – жизнь спесь сойдёт». Я тогда смирилась и теперь у меня супруг барон, пэр, с замком. И ты должен смириться. Ты ещё очень молод. Тебе надо начать с самого низа и затем возвыситься, если так решит судьба.

Сматывала клубок она быстрыми, ловкими движениями, не отрывая взгляда от нити, лишь время от времени поглядывая на меня синими спокойными глазами.

– Хотя ... Ещё и счастья хочется, – промолвила она тихо, – Разве у меня нет права хоть на самую малость того, чем жизнь не баловала?

Я молчал, в смятении не зная, что говорить.

– Барон спрашивал о грамоте. Ты её не принёс?

– Завтра принесу.

– Тебе пора идти.

Уходить не хотелось, да я и не собирался домой. Не хотел служить её супругу, барону. Хотел вечно стоять, держа на руках моток пряжи, и чтобы эта пряжа не заканчивалась, сколько бы клубков не наматывали её длинные пальцы с нежными, прозрачными ноготками. Хотел слушать её милые остроты, ловить её ласковый взгляд каждый раз, когда перепутывались нитки.

Девушки-служанки, оставившие нас вдвоём, вбежали в зал и присели в реверансе перед госпожой – пришёл барон.

Слышны были его крики:

– Лопатой пришибить этого мерзавца! Пусть этот бастард мне только попадётся!

– У мамы он, – звонким, как колокольчик, голосом, злорадно сообщила Люнет.

Сначала я не понял, о ком он говорит, и удивился, что так испугались служанки, с ними он обычно был ласков. Да и с остальными окружающими барон всегда был любезен. Ну, или почти всегда. Сейчас же он был просто в бешенстве. Поскольку он неожиданно смутился, увидев меня, я понял, что говорил он именно обо мне.

– Никита...

– Господин! – я отвесил ему поклон.

Он посмотрел на меня, заговорил с женой, повернулся и сел за стол, глядя на огонь в камине. Потом встал – бесшумный, как кошка, огромный, с могучими плечами.

– Принёс грамоту?

Я покачал головой и снова поклонился.

– Тебе пора служить. Рыцарь Юсташ через неделю будет здесь. Службу тебе пора начинать, ему или мне. Мы же обещали твоей матери, что тебя не оставим и о тебе позаботимся.

«Позаботитесь?» – подумал я с внезапной яростью, задвинутой глубоко в душу, как рубаха в штаны. «Как? Отдадите земли моего отца рыцарю Юсташу? Он получит феодал, мою землю, а я буду ему копьё подавать?»

Злоба грызла меня долгие дни и месяцы, не покидала ни днём, ни ночью, заставляла сидеть взаперти, уставившись в потолок или в холодный очаг.

И эта злость отразилась на моём лице, побагровевшем от прилива крови.

Барону было не привыкать отнимать пашни и угодья то у тех, то у других, иногда и у соседей – баронов, он присваивал земли даже самого герцога де ла Роша, поэтому он знал, что чувствуют ограбленные им. Нельзя быть милостивым к тому, кого ты обидел.

– Ты почему Сгура ударил?

Уже узнал.

– Почему? Он твой *виллан*, у тебя в подчинении? Спрашиваю, твой *виллан* или нет? Почему не приносишь грамоту на Малое Кампо Моро? Сколько раз нужно напоминать важному господину Никите?

Виллан-крепостной крестьянин в Западной Европе.

Дьявол, который мешает людям спокойно жить, ткнул меня пальцем в бок. И вместо того, чтобы промолчать, кланяясь до земли, начать давать обещания, что тут же побегу, посреди ночи переплыву реку, но принесу эту проклятую грамоту, я взял со стола клубок хлопковых ниток, домотал его и перекатил через стол к моей донне.

В тот же миг почувствовал на своём затылке грубые пальцы, стиснувшие мою голову и пригнувшие её к столу. Боль сковала шею, стало трудно дышать.

– Ты не достоин даже воды подать госпоже баронессе! Не то, чтобы клубки подкидывать, понял?

Происходило нечто неслыханное. Барон, всегда ласковый или равнодушный, плющил меня железной рукой, размазывая по корявым доскам.

– Понял? Друг ты наш Никита! – он отпустил меня и я освободился от его пальцев, ломавших мне шею.

Повернулся к нему, не сказав ни слова. С опущенной головой, покорной. Или нет – привычившись.

Тогда он меня ударил. Замахнулся коротко и врезал. Как я сегодня Василису Стуру. Открытой ладонью, сбоку, за ухом.

Подождал, пока я выпрямлюсь после полученной оплеухи, и снова вlepил мне затрещину – скорее толкнул, чем ударил. Когда же я отшатнулся в сторону, почти до земли, прибил меня к полу уже сжатым кулаком. В моей голове что-то затрещало. Упал возле камина, на дрова, приготовленные для очага.

– Сир! – воскликнул далёкий нежный голос. Тот же, который до этого говорил мне: – Никита!

Я униженно валялся на поленьях, которые врезались в моё тело, казалось, они мне рёбра ломают.

У меня и мысли не было бунтовать против законного, данного Богом господина. Такое мне и в голову не приходило. Равно как и посягать на его драгоценную жизнь. У меня был кинжал – я о нём и не вспомнил. Медленно поднялся.

Моя рука выпрямилась и пошла дугой от плеча вместе с сухой палкой маслинового дерева. Толстой, как кулак, прошлогодней, твёрдой, как железо.

Бог или дьявол, но кто-то направляет наши десницы. Дерево, предназначенное для огня, угодило в нижнюю челюсть сеньора барона де Клари. И снова неожиданность – челюсть сместились в сторону и осталась так торчать.

Все замерли. А что ещё могли сделать женщины? Моя донна смотрела на мой кинжал на ремне. Прошептала: – Garge! – Стража!

Барон с вывихнутой челюстью смотрел, не веря своим глазам, на палку в моей руке, у девушек-служанок от страха юбки тряслись.

Я рванул с места, как гончая. Только слышал сзади нечто невнятное: – Афофо – афа. Потом догадался, что барон с выбитой челюстью промышал: – Грязный ублюдок!

Бежал вниз по лестнице. Через всё то же переплетение башенок, переходов и лестниц. Ждал всякий миг услышать крики и приказ меня схватить. Из вестиера доносились возгласы жизнерадостного спора, я бежал дальше, к воротам замка, ноги дрожали и подгибались. Будто уже болтались на виселице – так месяц назад тряслись под её перекладиной ноги какого-то бродяги, залезшего в дом крестьянина. Рваные обувки мелко подпрыгивали, под бродягой подтекло.

Только бы ворота не были заперты, Боже праведный, только бы ворота...

Добежал до ворот, надменный Фану посмотрел на меня с подозрением.

– Барон велел всем идти в круглую башню, – сказал я запыхавшимся голосом и с кривой усмешкой, – Собери всех, кто здесь в замке, а я побегу в касале.

Касале – деревня по-пикардийски, Фану всегда так говорит.

– Да в таверне никого нет, – изумлённо промолвил стражник, но я уже мчался к повороту вниз, к деревне и виселице.

Сейчас меня настигнут! Всадники догонят и схватят, от них не убежишь!

Бросился в сторону от безлюдной дороги. Через кусты, пригнувшись, побежал к обрыву над рекой, он был как раз напротив замка, шагах в сорока-пятидесяти от ворот. Как я уже говорил, отсюда склон шёл вниз всё круче и круче, от камня к камню, от выступа к выступу, и срывался к реке в жуткую отвесную пропасть. Добрался до маленькой дикой оливы, спустился немного вниз и протиснулся в каменную щель, находившуюся почти над зияющей бездной.

Бездомный пёс

Расщелина была тесной, сухой, скрывала меня лишь наполовину и, если бы передо мной не качалась на ветру ветвь оливы с серебристой листвой, мою яркую одежду было бы видно с равнины за рекой. С высокого холма долина выглядела как будто расчерченной – озеро Копайда, дороги, вспаханные поля, оливковые рощи. Малое Кампо Моро с покорёженными обрезкой стволами тутовых деревьев. Река в это время была обмелевшей и в течении виднелись колыхающиеся водоросли.

Один лишь миг, и я уже был не просто гасмул, паренёк без будущего, а почти смертник. Только что у меня были дом, оливы, помёт с голубятни, и я этим был недоволен. Имел если не друзей, то приятелей из крепости, которые теперь выволокут меня из этой расщелины и потащат вниз на виселицу. Если сначала не переломают мне кости в камере для пыток, чтобы я отдал им грамоту на Кампо Моро и оливковые деревья по этому проклятому *Causax de parcon*.

Вслушивался, не раздаются ли лошадиный топот и крики.

Ничего.

До меня стало доходить, что я совершил ошибку. Если бы я побежал вниз, мимо деревни, через выгон и затем направился в горы, то был бы уже далеко, меня никто не преследовал. Но как я мог знать, что погони не будет? Когда за тобой, как за дичью, гонятся на конях с собаками, то не ускользнёшь. А теперь собаки в замке учуют, что я здесь, и приведут Фану и остальных. Хотя никто из сержантов не знает это место и эту щель – в детстве они играли в далёких краях, в Пикардии и Бургундии.

Ветер скользил по высокому холму, по скалам, задувал со стороны замка и донёс оттуда крик. Потом ничего, всё стихло.

Стемнело, ветер утих. Через некоторое время лёгкое дуновение овеяло моё лицо - оно донеслось с востока, с моря, пролетев через *Эвбею*, огромный длинный остров, закрывающий дорогу герцогству к морской синей глади. У меня перехватило дыхание. Забыл про острые края камней, высасывавших тепло из тела, забыл про всё. Теперь ветер доносил мои запахи в замок, через первую низенькую стену, потом через высокую и через башни, к двум собакам, с которыми я часто играл - Лио и его подруге Лионессе.

Эвбея – греческий остров в Эгейском море. См. карту, приложенную к роману.

Потом крупные капли дождя ударили во мраке по листве оливы, смыли все запахи, заглушили звуки ровным шелестом.

Утром, полуживой, я сидел всё там же, за оливой, наполовину высунувшись из расщелины. Солнце грело, да не сушило.

Послышались шаги и голоса. Я не мог сжать пальцы, стиснуть рукоять ненужного, дурацкого кинжала, так меня трясло от холода. Под ногами зиял обрыв к реке, которая размыла на сотни локтей внизу основание холма. Люди спускались по круче прямо ко мне.

– Совсем парень спятил, – сказала Антуса из замка, – Хорошо, что его мать померла, не увидит, как его над селом вздёрнут.

– Повесят его, – услышал я противенький голосок Люнет, – Хотя требовалось бы ему голову отрубить, он же жантильом.

– Кто жантильом? Такой же голодранец, как и я, а не жантильом.

– Жантильом он. Попридержи язык, овца! – сказала Люнет своей кормилице.

– Это я овца? – ахнула толстушка Антуса, будто не слышала подобное каждый день, – Да я же кормила тебя своей грудью! Вот скажу баронессе...

– Ну и скажи. Пусть баронесса даст тебе сребреник, который я припасла для тебя на Рождество, – хитро сказала малая, – Вот здесь сухо, садись.

Стали что-то искать. Я затаил дыхание. Люнет знала мою расщелину. Мы с ней ходили сюда, ещё когда я её на спине носил.

– Если грамоту вернёт, может, и не будут искать. А так возьмут какую-нибудь одежду из его дома и пустят собак по следу. Поймают, – сказала Люнет, будто ко мне обращалась, настолько близко была.

– Такое доброе дитя было, а вырос и обернулся злым вурдалаком. Молчит и злобно смотрит.

– Вставай, здесь ничего нет.

– Изабеллочка, детка, ты что, умом тронулась, среди этих валунов спаржу искать?

– Какую спаржу, я тебе сказала, что чабрец нужен. Давай, пошли.

Я чуть-чуть подождал и одним глазом взглянул за камень. Малая, согнувшись, взбиралась вверх, а полная женщина карабкалась, цепляясь руками за каменистый склон.

На траве, в паре шагов от меня, лежала кожаная сумка, в которой я обнаружил три копчёных угря, половину толстой ковриги хлеба, а сверху – бесценное сокровище, бараний рожок, полный зёрен чёрного перца.

Следующие два дня я бродил вокруг замка и своего дома Острова, как привязанный, не уходя далеко. Идти было некуда, хотя здесь за каждым кустиком и каждым камнем подстерегала опасность. Днём спал в зарослях бурьяна, на возвышенности. Смотрел, словно заяц, через кусты, как крестьяне собирают в долине оливки. Ночью крался к лугам и, наконец, чуть ли не ползком, добирался до большого стога, внутри которого спал заячьим сном. И сквозь сон думал, лихорадочно вздрагивая, о том, какие следы я оставил за собой.

На третью ночь я не выдержал, пошёл к себе домой, дрожа, шатаясь от голода. Мне уже было всё равно, надо было дойти туда, чтобы поесть. Угрей с хлебом я давно съел почти в один присест. Дорогу, которую я обычно проходил за считанные минуты, теперь прошёл за час. Шёл, ложился в темноте. Не было звёзд и ночь походила на чёрную, из-под оливок воду. Полз, замирал и подолгу ждал – не услышу ли что? Никто из засады не шевельнётся?

Лежал и ожидал услышать радостные возгласы, с которыми набросятся на меня.

Наконец увидел очертания печной трубы Дома Острова и над ней огромное тутовое дерево. Тут я тоже стоял час, прежде, чем войти. Дверь, сколоченная из старых досок, скрипнула и я чуть не заплакал от отчаяния. Добрая моя дверь, милый дом! Кровать, застеленная тряпьем, которой я стыдился, столик и ларь для хлеба. Сундук с одеждой, из которого я вытащил, что нашёл. Потом задёрнул окошко над кроватью и достал кресало, спрятанное возле камина. Как я пренебрегал своим домишком, когда думал о замках, знатных дворах и достойном положении. И как мне хотелось теперь лечь и не вставать. Ждать под покрывалом, пока меня поднимут и уведут.

Высек огонь. Взял иголку с нитками, забрал заплесневелый хлеб, однако оливковое масло пропало, вся крынка. Кто-то побывал в доме. Надел на себя, что нашёл, и выскочил на улицу.

Про тутовник мать говорила, что ему триста лет, сейчас, значит, ему уже больше, ведь я рос вместе с ним.

– *То спати*, – вскрикивала мать, дрожа от лихорадки.

То спати – меч (греч.)

Сначала её стал бить озноб, внезапно, страшно, спустя день после того, как она дала кусок хлеба бродягам. Через наш двор их стопами прошла смерть. Матушку прошиб холодный пот, она стала бредить и хвататься за сердце, а потом уснула и не пробудилась.

Человек рождается тяжело, а уходит со страшной лёгкостью, словно всё это было сном. И в её несвязных словах было одно – то спати, меч. Не продавай, отец найдёт тебя через меч. Узнает тебя. И в один день мы соберёмся: и он, и ты, и Лампито. И я.

И смеялась хрипло, с оскалом.

В муках рождается человек, выходить и вырастить его трудно. А умирает – вот так.

У моей сестрёнки Лампито был искрящийся взгляд и розовые щёчки, а потом она захворала и умерла. И отца умершего я не помню. Вот скоро все и соберёмся.

Я взобрался на дерево и засунул руку в дупло, о котором никто из посторонних не знал. Чужих не пускали собирать листву, чтобы никто не видел щель возле трёх толстых ветвей, где ствол гнил и через него стекала вода. Там я прятал свой меч, славянский меч, доходивший мне до груди. И у царя, и у пастуха есть мечи, но очень разные. Этот был прекрасно выкованный, удивительно равновесный, если его возьмёшь даже одной рукой. С гардой, как буква S. Я достал и короткую, выдолбленную внутри палку, в которой прятал свою скрученную грамоту на владение Casaux de ragson, Малым Кампо Моро, оливковой рощей, всем тем, что меня и погубило.

Я оставил Дом Остров, с его длинными стрехами, стенами из камня и каркасом из древесины вяза. К рассвету уже дошёл до лесистых склонов Парнаса и там уснул на дне глубокого ущелья, почти засунув руки в маленький костерок. Потом ещё два дня питался съедобными грибами, растущими на стволе дерева. Вспомнил, как Сгур мне его показал втихаря, чтобы деревенские не узнали об этом дереве и не собрали все грибы. И вот как я его отблагодарил. И ещё припомнил, к своей досаде. Casaux de ragson – это смерть для крестьянина, великое бедствие. Будут на простом человеке совместно ездить и рыцарь, и архонт греческий, у обоих есть свой интерес. А меня Сгур спрашивал не для того, чтобы поиздеваться, а хотел понять – будут ли на нём ездить два владельца упомянутых уже угодий?

Потом я отправился к дяде Танасису. Опять таясь и стараясь быть незаметным, но уже не с прежним заячьим трепетом. У меня был меч. Хотя, что с мечом, что без меча, эти сержанты и щитоносцы, воевавшие и за морем, и в здешних краях, сомнут меня в один миг.

– Ой! – тихо воскликнул дядя.

Он смеялся и дрожащими руками тёр увлажнившиеся глаза.

– Ооо, – покачал без слов головой, и так всё ясно. Оглядел меня.

Я был похож на пугало, руки и лицо «мыл» раздавленными свежими оливками и вместе с жирной жидкостью соскребал грязь.

– Баранья башка, вот баранья башка, никогда у нас в роду таких не было, – сказал дядя, смеясь и прислушиваясь, что там во дворе.

– Дядя, – сказал я, – Причём тут башка, он стал мной пол подметать.

– Это так барон тебя назвал. Кисть у него распухла, расшиб, пока тебя колотил. Утром не мог штаны расстегнуть, рука, как палица. Ему раздавленный лук с солью к распухшей руке прикладывали. Кисть не может сжать в кулак из-за того, что тебя лупил по макушке. Я же говорил, пропадёшь ты из-за этих угодий.

– Эти земли мне от отца, – сказал я упрямо.

– Святая дева Мария! Да нет у тебя никакой земли. И твой отец её никогда не имел, всё было подстроено. И свидетели перед судом, и всё. Говорю это, чтобы ты не терзался, не мучился и головы не лишился. Да хотя всё, пропал ты уже. Постой и подумай, что делать будешь?

– Это он меня вызвал в суд, он дал грамоту на угодыя. Я не собака, чтобы мной забавлялись.

Дядя Танасис вытолкал на улицу псину, которая ни разу не гавкнула, только прыгала мне на плечи и бегала до угла и обратно. Налил мне горячей каши с огня, поставил хлеб на низенький круглый столик и посмотрел на меня мутными старческими глазами.

– Ничего у тебя нет, Никита.

– Придёт час, я всё своё возьму...

– Придёт час и тебя поймают. Очень скоро. Они знают, куда ты ходишь, кто-нибудь да увидит тебя, кто-нибудь о тебе доложит. Позавчера ты спал в роще у родника, грелся прошлогодним хворостом от олив. Уходи куда-нибудь.

Потом он рассказал, что тогда за мной никто не гнался. Сеньор барон сидел тихо с вывихнутой челюстью и её тайно вправил старый коновал. Погладил чуть-чуть и ударом вернул на прежнее место. Выпал же случай господину врезать...

– Не знаю, как ты до этого дошёл. Раньше ты ему нравился, а теперь нет. Ещё бы - к жене его ходишь, ерунду всякую мелешь.

– Это куртуазная любовь, дядя, она не имеет ничего общего с...

– Имеет, не имеет, этого я не знаю. И пергамент ты ему не отдал. И малой ты нравишься, это тоже. Не знаю, из-за чего именно барон тебя невзлюбил. Ты почему Сгура ударил?

И рассказал мне, как малая, Люнет, стащила из сундука на кухне чёрный перец, который дороже золота, в количестве, которого хватило бы на целую свадьбу. И как уже собирались пороть всех кухарок подряд. Тогда она созналась и сказала: – Если я вот эту ерунду не могу себе взять, какая я тогда вам дочь?

Я попросил дядю дать мне кусок пергамента, на котором написал своей любимой: «Донна, я понял в разлуке этих дней, что ошибался и теперь буду Вас слушаться, а также я готов по-прежнему на всё, чтобы Вам служить. Но теперь моя жизнь в опасности и я умоляю Вас о помощи: Изабелла де Виллардуэн, принцесса Ахейская - Ваш друг, поэтому прошу Вас о письме, с которым я преклоню колено перед ней и перед благороднейшим господином Ахеи, Филиппом Савойским, который является первым из наилучших рыцарей мира, чтобы служить им своим мечом и своей жизнью.»

Посмотрел на свои башмаки, которые просили каши, их надо было бы залатать, после чего быстро закончил: «Как бы ни было трудно, тело моё пойдёт вперёд, хоть и без сердца. Сердце моё останется здесь, будет скитаться вокруг замка, в надежде когда-нибудь снова увидеть милое лицо. До самой смерти Ваш. Никита.»

Сказал дяде, чтобы он отдал это письмо Люнет, когда та придёт, и пусть она любым способом передаст его баронессе, в письме моё спасение.

– Благо я по-франкски не понимаю, – сказал дядя, – Не краснеть бы мне из-за твоих глупостей.

Дал мне хлеба и крынку оливкового масла, что намного практичней копчёных угрей, с ней я мог месяц подъедаться, лишь бы хлеб находил. Сам он, мол, всё меньше и меньше ел. Пожал мне руку, поблёскивая глазами, поскольку не имел привычки меня обнимать.

– Дитя *Ареса*! Пылает храбростью, что светится в его глазах ярче всех драгоценных камней! Это Никита Хониат писал о голодранцах вроде тебя.

Арес – бог войны.

И выпроводил меня мелкими шажками к калитке. Я знал, что он стоит и в темноте смотрит мне вслед.

Ещё два дня и петля затянулась, я уже знал, что меня поймают. И всё не смел уйти далеко, выбраться из герцогства, как щенок, не знавший большой мир. На северо-западе была греческая Фессалия с государем-подростком, которого опекал наш герцог. На северо-востоке – псы-венецианцы, давно прибравшие к рукам остров Эвбею. На юге – Пелопоннес, Ахейское княжество, куда я и отправлюсь, если только получу письмо от баронессы. Но везде франки держали крепости и дороги. Идти через чужие баронства и сеньории могло оказаться ещё опасней, здесь хотя бы знаешь, от кого прятаться.

Днём я дремал на солнышке среди олив, в тихом месте, на делянке, которая была ещё не убрана. Там маслины своей тяжестью сгибают ветки к земле и не видно ничего за пять шагов. Ночью по тропам Парнаса я уходил в низины и спал у костерка, как зарывшийся в опавшую листву зверь.

Однажды, поздним утром, я почувал – что-то происходит. Не слышны были голоса собирателей оливок, а доносился короткий лай и поскуливание. И всё. Я быстро забрался на высокое дерево. От увиденного у меня пересохло во рту. Ждал этого каждый день. Со стороны леса цепью, охватившей равнину от конца до конца, шли крестьяне, вместе с женщинами и ребятами. На расстоянии друг от друга. Привели их, как на работу, – охотиться на человека. Собака наткнулась на траву, в которой я до этого прятался, и радостно залаяла – нашла, нашла. Крупный белый пёс с бурым пятном на плече – Лио. И Лионесса с ним рядом, искали меня, радовались, учуяв мой запах.

Я побежал наискосок, к ручью, который протекал через оливковую рощу. Нельзя было бежать прямо, вперёд. На реке ждут. Встретят меня люди барона, прижмут с обеих сторон конными парами и всё. Эх, дядя, не послушал тебя!

Бежал наискосок, петлял между олив, растирал в порошок зёрнышко перца давно заготовленными плоскими камушками и сыпал в свои следы. Потом опять. И выругал себя – речь шла о моей шее, а я невольно жадничал, жалко было тратить драгоценные зёрнышки, привезённые с другого края земли.

Я залёг под корнями оливы, размытыми весенним половодьем. Люди приближались, не прятались, разговаривали. Так и надо при облаве – поднять зверя и направить его туда, где его ждут.

Нет, здесь не то место.

Вскочил и снова побежал.

Добрался до самого низкого участка в русле ручья, зайцем забегал взад-вперёд. Я в ловушке, как пройдут мимо меня и не заметят?

В растерянности, я пытался спрятаться то в одно место, то вскакивал и бежал к другому. Наконец дошёл до излучины ручья. Весной вода здесь бьёт со всей силой и вырыла что-то вроде корыта. Теперь оно было сухим, дно устилал песок с галькой и сухими щепками, и над ним нависал кусок берега. Я лёг в это углубление, как в могилу, меч вдоль тела, и одной рукой натрусил сверху песка, который лёг на меня покрывалом. Руку я тоже зарыл, но прежде прикрыл лицо веткой с сухими листиками. И стал ждать.

– Ле Ру пусть не жадничает, на бутылку даст, – слышал я голос Фану, он звучал наверху, над высокой, почти отвесной стенкой низины.

Ле Ру, Рыжий – это было прозвище барона де Клари.

– Бутылка?! Да пусть хоть пару дукатов даст, а я ему мальчишку как ягнёнка притащу. Эй, Базиль! Давай, браток, не отставай.

Второй был Гийом. Базиль – не кто иной, как Василис Сгур. А мальчишка, ясное дело, это я.

– Он не был плохим парнем, – сказал, помолчав, Фану.

– Да не был и хорошим. Бастард.

– Заносчивый очень, в замок ходил как на работу.

– А он что, приبلудный сын барона?

– Откуда мне знать, я свечку не держал. Повесит его барон – значит, не сын.

– А что, вздёрнет на виселицу?

– Ну, нет, пивом его будет угощать...

Они стояли и говорили как раз надо мной.

– Злой да тупой. От барона, подумать только... Из рук барона земли ждать... Надо же!

Крикнули, поторопили Сгура. Он шёл по дну низины, чтобы господам сержатам не надо было пачкаться, оглядывался, вертел головой во все стороны.

Я замедлил дыхание, потом почти перестал дышать, насколько это возможно. Он шёл своей обычной походкой, ссутулившись, будто пахал на поле. «Пройдёт, не заметит, вот пройдёт», уговаривал я себя.

Откуда-то изнутри, из самого моего существа исходили эти бессвязные молитвы. По склонам русла, по дну, на днях волокли корзины с оливками, и всё переворошили. Моя песчаная могила могла сойти за обрушенный вчера песок. Могла и не сойти.

Шаги приблизились. Я видел рваную сандалию Василиса Сгура, она как раз оказалась перед моими глазами. Видел краешком глаза, как он миновал сухую ветку, которой я прикрывался. Потом обернулся и посмотрел мне прямо в глаза.

Испуганный, он кинул взгляд через плечо на невидимых сержантов. Те как раз продолжали лениво идти вперёд.

Сгур снова на меня посмотрел.

И бросился вслед за ними вниз по руслу ручья.

Я лежал не двигаясь.

Выждал ещё чуть-чуть, вскочил. Кинулся в обратную сторону, к своим заячьим норам в лесу. Дрожал онемевшим телом, всхлипывал.

– Подлый, мерзкий барон! – вскрикивал я и лязгал зубами от холода.

Из-за него меня повесят. Наденут на шею тонкую верёвку. «Делай, что должен, и будь, что будет, – так он учил меня со значимостью, которую я боготворил, – И это, Никита, не только рыцаря касается, но и настоящего мужчины.»

Спасибо, господин, теперь эти твои глупости отправят меня на твою же виселицу.

А Сгур?! Почему он сделал вид, что меня не заметил? Пожалел? Почему? Ведь я его кулаком ударил. Правда, я его однажды выручил, когда вместе с солдатами обыскивал хижины. Мы искали спрятанные ручные мельницы. Крестьян обязывали везти свой хлеб на мельницу сеньора и, если у кого дома обнаружат жернова, – горе тому. Мы тогда с Гийомом рылись во дворе Сгура, я увидел плоский, равномерно обработанный камень, и незаметно его засунул в небольшую глиняную печь под стрехой.

В эту ночь я особенно сильно прижимал к телу меч. Сейчас это был мой единственный друг, он придавал мне силы. И от самой этой мысли было невыносимо тяжело. Пытался сдерживаться, но во сне плакал. Никого у меня не было. Кроме дяди Танасиса.

На следующую ночь, проголодавшись, пошёл к Сгуру. Разве кто догадается меня там ждать? Крадучись, прошёл через деревню, кое-где собаки меня знали, где-то я их успокаивал, цокая языком. Шум, однако, поднялся.

В дом Сгура вошёл внезапно, все подскочили – сам Сгур, его жена, молодые и несколько ребятишек.

В тепле воняло хлевом. Молодуха крутила потихоньку ручную мельницу, дети насыпали горстями рожь со пшеницей.

Сгур на меня посмотрел в раздумье – выгнать, не выгнать? Кивнул – садись, мол. Видимо, чтобы избежать переполоха.

Смотрят, как я ем со звериной жадностью, молчат.

– Вынь меч, – сказал Сгур немного погодя и я его послушался. Если кто-то войдёт, то увидит, что я всем угрожаю.

– Вот так, кир Никита, – сказал он и я был готов поцеловать ему руки. Называет меня «киром», после всего, что я натворил.

– Вот так, кир Никита. Никто о простом селянине не думает. Никто. Любой тебя облапошит. Ударит, растопчет. Отберёт, что сможет.

Я молчал.

Он протянул руку к жене, она вскочила, принесла откуда-то вина. Сгур плеснул в две глиняные чашки.

– Пусть хоть немного будет добрых людей на этом свете, – перекрестился, поднял чашку перед собой и выпил разом. В нищете и вина у них было только на один глоток.

Налил себе снова, глотнул и, расчувствовавшись, дал сыну допить, что осталось.

– Эх, люди, люди...Где они? – посмотрел на меня испытующе, – Попробуй-ка найти. Я молчал, не зная, куда глаза девать.

– Только одного я в жизни встречал, да и тот варвар. Болгарин. Бился за народную правду, в темнице сидел, потом в наших краях появился. Служил Ивайло, болгарскому царю-свинопасу, что за людей сражался. Вот я тогда уже был взрослым, жена, дети, а заставили меня пасти коров вместе с овцами. Разбежались они...Я говорю управляющему, псу баронскому этому, говорю: – Ты мне объясни, как пасти коров с овцами вместе? А он: – Счас объясню, – говорит.

Поседевший, но ещё крепкий мужчина, Сгур смотрел на огонь, прослезившись.

– Выхватил он нож, срубил дубинку, счистил ветки и говорит: – Сейчас скажу.

И как стал меня избивать, повалил на землю и бьёт. А я уже взрослый человек, жена, дети...

Его родные знали эту историю, молчали. Он не стыдился бывшего унижения, голос у него стал торжественный, поднялся ввысь.

– И вот как вышел на тропу варвар этот и как сказал: – Вот, гляди, хорошо ли это?

Повалил он пса баронского на землю, дал мне в руки его дубинку.

– Бей, – говорит, – Теперь ты. Я, однако, не смею, кто я такой, чтобы его бить. Тут болгарин его на ноги поднял, толкнул в сторону села да как пнул сзади! Тот стоит, ему не верится, что с ним посмели так обойтись. Ещё один пинок получил, тогда пошёл. Больше на меня ни разу не посмотрел, пёс, ни слова, тварь, мне не сказал. Потом куда-то делся, говорят, другому господину пошёл служить. А я... Да нет такого воскресенья, чтобы я не пришёл в церковь Святого Георгия, и, перекрестившись, не подумал о болгарине. Который за народную правду воевал.

Снова плеснул мне в чашу вина, немного, на два пальца. Я выпил. В эти дни не брал в рот ни капли, испугался, что захмелею и меня поймают. Пошёл к двери. Сгур махнул мне, мол, подожди.

– Хранислав, так его звали. Не христианское имя.

Я уже не слушал, не подозревая, что и тот Хранислав, и этот Сгур – частички моей судьбы.

Мне дали хлеба, завёрнутого в порванный соломенный мешочек, дали и муки в старой тряпке.

– Отважный ты, Никита, – сказал мне на прощание Василис Сгур, – Будь, однако, человеком.

Дяде я сказал, что, когда будет письмо от баронессы, пусть повесит на забор свой расписной горшок в жёлтую и красную полоску, чтобы его было видно и с горы, и с оливковой рощи.

И так – хожу три раза в день смотреть, когда же наконец засияет на солнце эта чортова крышка.

Дня через два валялся на сухой траве, смотрел как в небе парит орёл. Взмахнёт пару раз крыльями и снова повиснет, как лист на ветру, застывая в вышине.

Потом окинул взглядом дядин двор и моё сердце затрепетало. Узорчатый горшок сиял желтыми и багровыми красками.

Я пошёл, не раздумывая, среди бела дня. Опасно или нет, но конец уже виден. Теперь надо было думать о приличном платье и о том, как добираться до принцессы Виллардуэн и её высокородного супруга. Буду служить, выбьюсь в люди. А там будет видно.

По оврагу, незаметно, как я надеялся, дошёл до двора с осевшим плетнём и кольями, на один из которых и был нахлобучен вышеупомянутый горшок. Дядина собака заскулила, запрыгала, когда я с ходу вошёл в дом. И сразу отпрянул, выхватив длинный меч и бросив взгляд назад за спину.

– Merde, – закричала маленькая Люнет, – Ты что, умом тронулся?

– Где остальные? – спросил я, так как она никогда не ходила без сопровождающих.

– Никого нету. Антусу я за мёдом послала. Ну ты и пугливый...

– Твоя мама знает, как ты выражаешься?

– Госпожа баронесса не собирается у тебя спрашивать, как мне выразаться.

Дядя сидел на постели, подпирая стену полумысой головой и опираясь ногами на стульчик. Указал мне на мешочек с едой, висевший на стене.

– Скажи ему Изабеллочка, чадушко, меня он не слушает.

– Тебе велено вернуть грамоту на Casaux de ragson. А не то вся Эллада тесной покажется, куда б ты не ушёл.

– Ого!

– Ого, ого... Госпожа баронесса сказала, что ты парень добрый, если тебя припугнуть, то ты всё вернёшь. А господин, отец мой, говорит, что тебя легче прихлопнуть, чем запугать.

Я довольно улыбнулся, хотя улыбка была не к месту.

– И меч верни! Потом иди, куда глаза глядят.

– А зачем так беспокоятся из-за этой грамоты, если она не настоящая?

Малая бесхитростно объяснила:

– Не могут отдать эти земли рыцарю Юсташу, если где-то есть иная грамота на них. Не то, чтобы не могут, однако...

– Дай мне письмо.

– Какое письмо?

– От баронессы ответ.

Она посмотрела на меня удивлённо, то ли не ожидала, что я спрошу, то ли не понимала, о чём я спрашиваю.

– Нет ответа.

Я растерялся.

– Как нет? Значит, ты не передала моё письмо.

– Отдала, отдала, отдала! Не надо говорить, если не знаешь.

– Что сказала твоя мама?

– Да хватит называть её «мамой». Для тебя она госпожа баронесса, понял?

Как оказалось, баронесса ничего не сказала, посмотрела устало и улыбнулась. И всё.

– Ты её потом не спросила?

– А ты соображаешь, что говоришь? Буду я спрашивать об ответе какому-то изменнику. Хотел, мол, служить Изабо де Виллардуэн... Знаешь, как она высоко стоит, и где мы стоим? И кто ты такой?

Лицо у меня пристыженно горело, когда я смотрел на маленькую, злобную девочку.

– Ты его читала! Чужое письмо.

– Ну, да. Я всё читаю. Я же дочь – и верная подданная барона, не то что некоторые. Откуда мне знать, может в письме было что-то... против его драгоценной особы. А там одни глупости.

Мы с ней говорили по-французски, дядя не понимал, но знал, о чём речь.

– А ничего, что мы о тебе столько лет заботились? Как о родном пеклись, – повторила чужие слова Люнет с покрасневшим от перепалки личиком, с рыжими косичками и тщательно нанесёнными румянами, – Меч верни!

Она пошла вниз к таверне и на прощание сказала мне, как взрослая:

– Я буду помогать твоему дяде. А ты уходи как можно дальше!

В растерянности, я не догадался поблагодарить её за угрей и перец. Не догадался вернуть маленький рожок с оставшимися зёрнами. Они стоят денег и могут мне помочь. Нищета идёт рука об руку с подлостью и желанием пожить. Я был маленьким, жалким бродягой – оборванцем с мечом. Она, как дочь рыцаря, ни слова не сказала о перце. Я их возненавидел ещё больше, всю эту семью.

К Эвбее

На следующий день я покинул долину Копаида. Обнял на прощание дядю, он заплакал и всё это оставило тягостное впечатление – человек, который когда-то был для тебя великаном-защитником, теперь превратился в немощного, плаксивого старичка.

– Не увидимся мы больше, – сказал он мне, – Со мной всё ясно, а ты, дай Бог, проживёшь долго. Береги себя! И смири гордыню, только это тебя спасёт!

Реку Кефис я перешёл вброд на ходулях, оставленных кем-то на берегу. Направился к возвышенностям на востоке, к огромному, длиной сто римских миль, острову Эвбея. Венецианцы не отдадут меня барону, хотя вполне могут продать куда-нибудь в рабство. А из Эвбеи дядя советовал мне идти в Империю.

Империя, Константинополь, царский град. Проживший всю жизнь под властью франкского господина, дядя Танасис ни на минуту не забывал о ней. Слушал, что говорят проходящие монахи или заночевавший в деревне купец о том, что там происходит. Днями напролёт рассказывал мне о славных временах Михаила Палеолога, который вернул столицу грекам-ромеям, какая была у него сила и какой имелся флот. И что теперь? Дяде Танасису было больно. Рассказывал с досадой, как император Андроник продал частным лицам весь запас корабельной древесины; как начальник флота распродал все гвозди, якоря и снасти; как начальник тюрем Лагос прикарманивал казённые деньги, но этого ему было мало и он отпустил из тюрем преступников, чтобы они воровали и грабили, а долю от добычи отдавали ему.

– Содом и Гоморра, – говорил дядя, – Ещё придёт Божья кара. Однажды, век назад, пришла, теперь снова время настало.

Я пожимал плечами, равнодушный к трижды великому прошлому Константинополя и нынешним его грехам.

А кара шла с попутным ветром, на быстрых вёслах. Город, однако, не ждал беды, пребывая в безмятежной суете.

Вот с такими мыслями я уходил из родных мест. Меч нёс на спине, завернутый в тряпки, сверху лёгкая мотыга, чтобы его не было видно. Шёл навстречу судьбе. А и некуда больше было идти. Куда ни пойдёшь – всё тебя судьба встречает. Нужно было мне ещё и гордыню смирить – и не только, чтобы, возможно, в будущем возвыситься, а просто для того, чтобы уцелеть...

С горы я снова посмотрел на Кефис, на село и на холм, закруглённый с трёх сторон. С четвёртой стороны, над рекой, с холма спускались голые скалы, стекали, как воск с оплавленных свечей.

В крепость по извилистой дороге скакали три всадника с флажками на копьях. Порывы ветра доносили прерывистый зов трубы. Люнет сказала, что прибыл гонец из Фив и все теперь вооружаются, гадая, к чему это?

Казалось, всё Афинское герцогство пришло в движение. Пастухи отгоняли многочисленные стада от дорог, собиратели оливок уходили в глубь рощ – подальше от конных и пеших вооружённых людей, торопившихся к морю. Воинов было не так уж и много, но они постоянно шли группами на восток, к Эвбейскому проливу.

– Каталонцы сюда идут, – ехидно осведомил меня пастух-коротышка, чьи козы окружили меня под маленьким дубом, когда я осматривал дорогу вниз. Я сидел на острой, каменистой вершине, откуда была видна часть протяжённого, местами бескрайнего, как море, пролива, а напротив – возвышенности Эвбеи.

Задувал ветер, на воде виднелась мелкая рябь. Корабли и лодки были неподвижны.

Задача ясна – добраться до другого берега, но как? К югу пролив резко сужался, в этом месте его можно и переплыть, но там тщательней всего и охраняют, полно стражей и лодок. Я спустился и быстрым шагом пошёл к гавани Ларимны.

Тропа вывела меня на дорогу, по которой шли крестьяне, нищие, рыбаки, да всякие люди. Посмотрев на меня, они шли дальше. Я увидел, что приближаются три всадника, эллины-жан-

тильомы, и быстро спустился к ближайшему оврагу – по своей устоявшейся привычке прятаться. Они даже не оглянулись. Другие у них заботы.

В низине, у воды я наломал свежих ивовых прутьев, большой пучок, под которым спрятал свой славянский меч. Сверху привязал мотыгу, пусть думают, что я корзинщик или кто-то в этом роде. Пошёл к гавани.

Сто лет назад моя прабабушка сбежала из Никеи, от рыцарей, и угодила к ним в руки здесь, в Беотии. Я сбежал из дома от тех же рыцарей, а дойдя до моря, очутился в пасти у волка. Повсюду скачут всадники, едут шагом, ждут у таверны. Все смотрят на море, ждут вестей от дозоров с юга.

Гавань Ларимны глубокая, пристань спрятана от ветров и волн в самой дальней её части. Но на севере, почти в открытом месте пролива, был ещё небольшой причал, стоянка, рядом с которой находился рынок.

Туда и направилась маленькая галера. Время шло к обеду, по церковному – девятый час. Вёсла сверкали в отражённых водой солнечных лучах, ветер дул ей навстречу. Сначала галера плыла к основному порту, но поскольку там в толпе виднелось множество солдатских шлемов, направилась к маленькому причалу на север.

Я быстро пошёл туда же. Побежали и многие другие – девицы, которые как товар предлагают сами себя, продавцы фруктов, мяса и оливок, разносчики воды. Все побежали встречать галеру.

– Каталонцы.

– Каталонцы? Где?

– Ты слепой?

Каталонцы. На побережье это означало – грабёж и смерть.

– Только эти?

– Да нет, все их корыта сюда приплывут. Так ведь?

Галера сделала разворот недалеко от берега и пошла кормой вперёд. Вёсла вытолкали её тихим ходом к причалу.

Сначала оттуда высыпали дети и женщины, расспрашивали обо всём, торговались. Потом неторопливо сошли на берег и мужчины-каталонцы. С непокрытыми головами или в шлемах, с короткими широкими мечами и двумя-тремя дробками на плече.

Кто были эти люди? Откуда пришли? Местные знали – десятилетиями каталонцы и арагонцы разоряли побережье Эллады. Но сейчас они проходили мирно, направлялись в Империю. Победив французов в Сицилии, они стали там лишние. Им была нужна новая работа, новая война. Они тронулись в путь с жёнами, детьми и подругами. Вёл их Рожер де Флор, который договорился с ромейским императором освободить Анатолию от турок.

Я замер у разрушенной древней стены. Ждал. Сплёвывал на камни, наблюдал исподлобья.

Потихоньку подошли и здешние солдаты, оруженосцы, щитоносцы. Стояли кучками с другой стороны маленького базара, тоже смотрели.

От негустой толпы каталонцев, местных и солдат отделились две женщины и направились прямо ко мне. У одной – на руках ребёнок. Они тоже оглядывались, но по-другому, искали место справить нужду. Одна спряталась в трёх шагах от меня, за дикой смоковницей с пожухлой листвой. Вторая – коренастая, с плотно сбитым телом, осталась присматривать за ребёнком.

Я окликнул её, привлёк внимание:

– Сеньора!

Наши глаза встретились. Выглядел я не лучшим образом – в рваной одежде, невымытый, дурно пахнущий. С пучком прутьев у ног.

– Сеньора, – повторил я и она рассмеялась. Видимо, моя учтивость показалась ей чрезмерной.

Из-за куста вышла её спутница, забрала ребёнка. Я сказал с глухо стучащим сердцем:

– Я враг французского короля.

Только это я и смог придумать. Какого именно французского короля – не знал. Но любому известно, что каталонцы и арагонцы сражаются против *Неаполитанского короля*.

Неаполитанское королевство – средневековое государство в Южной Италии, в котором правила французская Анжуйская династия.

Она на меня посмотрела – без сочувствия, но не безразлично.

Крупная женщина, миловидная, платок повязан вокруг широкого лица, кожаные башмаки.

– Возьмите с собой на корабль, – попросил я тихо, – Меня убьют.

И немного приоткрыл прутья ивы, чтобы она увидела сталь меча.

Её спутница вышла из-за смоковницы, и обе стали быстро говорить, как трещотки. Глядели на меня и препирались.

– Манель! – крикнули они в толпу и оттуда вышел, помахав им рукой, мужчина с бронзовым лицом.

– Aga fa la pena! – решительно сказала мне крупная, – Возьми малышку.

И протянула её мне.

Вторая удивлённо воскликнула: «Эй!» Нечто вроде: «С какой стати ты раздаёшь чужих детей?»

Они оставили мои прутья на земле, подняли меч, прикрытый мотыгой, а я дрожащими руками взял девочку. Она без звука прильнула к моей груди, я почувствовал её дыхание.

Пошли к кораблю. Они между собой говорили, я к ним жался, как телёнок к матери. Нас остановил Манель, с коротким, как палка, копьём. Женщины опять затараторили.

– Antonia, estas boja perduda, – рявкнул Манель на Антонию, – Ты больна на всю голову!

И недобро посмотрел на меня.

– Ты убийца? – спросил медленно, чтобы я понял.

– Нет, сир! – сказал я, женщины снова засмеялись, – Меня хотят убить из-за меча и имени моего отца. Спасите жизнь христианина!

Он смотрел на меня и я видел, как решается моя судьба.

Повернулся ко мне спиной, медленно зашагал к кораблю. Я оставался на пристани, совершенно незащищён. Каталонец внезапно вернулся, нахлобучил мне на голову свою шапку из гладкой толстой кожи, какие носят под шлемом. Потрепал малышку по щеке.

– Paula, t'agrada aquest home? – спросил он девочку, – Тебе нравится этот дядя?

Я понимал почти всё, когда говорили медленно.

Все мы пошли к корме покачивающейся галеры, женщины с мечом и мотыгой, он с копьём, а я с маленькой Паулой на руках. Ноги дрожали, руки напрягались от небольшого веса ребёнка. Ещё немного... и я спасён.

Ступил на сходни, шагнул раз, второй и, прежде чем подняться на борт, совершил то, что делать не следовало – обернулся назад. Только на миг кинул взгляд. И мои глаза встретились с глазами этого чортова пикардийца Фану.

Галера была небольшой, бригантина с двадцатью веслами. В проходе между скамеек лежала бесполезная мачта, всякий скарб, кухонная утварь и много оружия. Пучки коротких копий, длинные багры, арбалеты с провисшими на одну сторону тетивами – вдоль бортов, под скамейками, на носу. Я сел рядом с двумя клетками, из которых неподвижно смотрели в пустоту два крупных самца куропатки.

Каталонцы сходили на берег по очереди и возвращались с покупками – свежесдобитым хлебом, малосольными оливками. Меня оставили на скамейке, а женщины ушли на свои места к носу. Маленькие волны неравномерно шлёпали по левому борту.

Через некоторое время меня окликнули:

– Идём, тебя спрашивают.

Опять решалась моя участь. Я пошёл неохотно, упираясь, как поросёнок, которого ведут сами знаете куда. На меня сердито прикрикнули, кто-то сильно толкнул в спину.

Я опять оказался на корме, соединённой с берегом широкими сходнями. И увидел внизу рыцаря на коне с зелёной попоной.

Я дёрнулся назад, но мои новые знакомые держали меня крепко.

– Стой тихо. Как тебя зовут?

– Никита.

– Николас?

– Нет, Никита.

– Ты грек?

Сказал, что я не грек.

– Тогда кто ты такой?

Я пожал плечами. Никто. Гасмул я.

– Мы тебя не знаем, Никита. Может, ты хороший парень, а, может, гнусный убийца. Будешь отвечать сеньору кавалье только по-французски. И молись, чтобы нам понравилось то, что мы услышим.

Рыцарь на берегу был барон де Клари, мой господин, с оруженосцами Фану и Гийомом за спиной.

Каталонцы вежливо к нему обратились:

– Сеньор кавалье, мы Вас слушаем.

Барон молчал. И это молчание вернуло мне страх детских лет, страх перед великаном-властелином наших жизней. Все радовались, когда барон смеялся, но когда он замолкал – все бледнели. Мужчина, который повсюду таскал меня за собой, а я, мальчик в нарядной рубашке, сшитой в замке, шёл за ним с маленьким арбалетом, гордый и счастливый. Однажды туманным холодным утром на нас напали три лохматых лаконца, вооружённых секирами и копьями, и он убил всех троих. Сказал мне, что я храбр, хотя я ничего не делал, и дал мне меч с гардой как буква S. Мать разрыдалась, когда увидела этот меч, и плакала каждый раз, когда я доставал его из-под кровати, чтобы на него посмотреть.

– Что происходит, Никита?

Что я мог ответить? Ничего хорошего не происходило. Сам к нему в руки угодил.

– Куда это ты собрался?

– От Вас бегу, господин, – выпалил я, набравшись смелости.

– Вот чудак, – сказал он каталонцам, – Никто за ним не гонится...Вернись, тебе ничего не будет.

Каталонцы меня отпустили, я стоял на сходнях.

– Сир, а Вы готовы сейчас подтвердить перед свидетелями Эстефаном и Гийомом, Вашими оруженосцами, и перед достойными сеньорами с корабля мои права на Малое Кампо Моро и прочие земли, указанные и подтверждённые решением Высшего суда?

Он сразу вскипел:

– Я готов вернуть тебя на виселицу, откуда, по глупости своей, в мыслях тебя уже снял. Ты, голодранец, должен знать, что у тебя ничего нет! И у отца твоего ничего не было. Это во-первых. А во-вторых – он тебе не отец. Продолжать мне?

Мне стало стыдно перед оруженосцами, хотя я слышал от них подозрения по поводу моего рождения. Почувствовал себя неловко и перед новыми знакомыми, которые слушали, не

упуская ни слова. Да, лучше предстать перед ними бастардом (эка невидаль, в мире их полно), чем убийцей. Однако мне стало тоскливо.

– Сир, я это выслушивал от самых подлых людей, когда был маленьким и не мог защититься. Сейчас я так же незащищен перед Вами – я же не могу помешать Вам оскорблять мою мать?

– Твоя мать была честной женщиной.

– Тогда выходит, что я бесчестен, как мой отец. Потому что, когда я был маленьким, мне втихоря намекали, что мой отец – это Вы.

– Отдайте мне этого преступника, – просто сказал барон людям у меня за спиной.

Они стали шептаться и о чём-то договорились, но о чём – я не понял.

– Отдадим, сеньор кавалье. Берите его...

Гийом сразу взбежал по доскам сходней. Схватил меня за руку. У меня уже не было сил, чтобы её выдернуть.

– Берите его... – продолжил кто-то из каталонцев у меня за спиной.

У меня глаза увлажнились – смелые каталонцы оказались предателями. И где их отвага? Но они сделали какой-то знак и оруженосец остановился.

– Скажите только, что именно он сделал?

– Поднял руку на своего законного господина.

– Это Вы, сеньор кавалье? Ваша сеньория здесь?

– Отдайте мне преступника или ваша скорлупка отсюда не выйдет!

Гийом потянул меня вниз, на берег, но кто-то его ударил и он отлетел назад, выпустив мою руку. Я остался стоять на корме, моя жизнь висела на волоске.

Ле Ру снял шлем и повесил его на седло спереди, его рыжие волосы выглядели всклокоченными.

– Никита, – сказал он по-гречески и моё имя прозвучало как ругательство, – Верни мне грамоту на совместное владение. Она ничего не стоит, поскольку для сеньории ты не существуешь. И верни мне меч, который я тебе дал и владению которым мы тебя обучали. О тебе заботились, как о родном, а ты укусил руку, которая тебя кормила.

Я стал ему отвечать по-гречески, но каталонцам это не понравилось, они слегка шлёпнули меня по макушке, чтобы я говорил по-французски.

Я низко поклонился.

– Сир, мой господин! – я говорил медленно, хотя в голове мельтешило и путалось множество мыслей, – Грамота на Малое Кампо Моро и остальные земли подтверждает моё право на владение ими как наследника моего отца. Под моим именем стоит печать La Haute cour – Высшего Суда. Меч тоже не могу отдать, поскольку он подарен самым добрым рыцарем на свете – господином бароном де Клари!

Снова поклонился и показал рукой на барона, чтобы люди у меня за спиной поняли, кто этот рыцарь.

– Ни одного тутовника у тебя нет, негодяй! – перешёл и он на французский, – И тебе это известно от матери и дяди Танасиса.

– Если эта грамота ничего не стоит, зачем она Вам так нужна? Спрашиваю самым смиренным образом, мой господин.

– Я считал тебя храбрым мальчиком. Неужели ты хочешь преуспеть таким мерзким способом? – огорчённо сказал барон, – Настоящий мужчина берёт земли не подлостью и кражей, не обманутым доверием, а мечом. Меч несёт отважному и славу, и земли, и крестьян. Но я теряю время, объясняя тебе всё это.

– Господин, – сказал я, – Я получу мечом землю, крестьян и всё, о чём Вы говорите. Господь – защитник правого.

– Именем де ла Роша, герцога Афин, – сказал барон голосом, от которого меня бросило в дрожь, – Отдайте мне этого человека, или ваше корыто не выйдет из пролива!

На пристани раздались звуки медной трубы – сбор. Тревожные, прерывистые звуки, означавшие – все сюда. Начали подбегать солдаты, поправляя на ходу кожаные нагрудники и кольчужные воротники.

– Никита, дурак, – с сожалением сказал барон, – Продадут тебя первому встречному, будешь жить с верёвкой на шее... Вспомнишь, что потерял...

Сзади меня обволокло облако винных паров, смешанных с запахом рыбы.

– Сын мой, *cavaller glorios*, – сказал священник в поношенной, но чистой рясе. Отодвинул меня назад, закрыл собой от моего господина, толпы солдат и горожан, которые жались к краям площади.

– Это окаянное корыто, – продолжил священник, – Есть Божий дом. Каждое воскресенье я здесь служу и причащаю. Из Божьего храма не выводят и самого отпетого преступника, зарезавшего и мать, и отца.

– А-ки-ли-но! – закричали звучно каталонцы, выделяя каждый слог.

Меня дёрнула назад крепкая рука, я отлетел к деревянному укрытию на середине кормы.

Все замолчали, когда мужчина по имени Акилино вышел вперёд, по всему было видно, что это их капитан. Он ровным голосом сказал барону, что произошла ошибка. Этот человек – его раб, и теперь бормочет бессвязно. Нет никакого беглеца с этой земли, никто на борт бригадины не поднимался.

– Не выйдет ваша скорлупка из пролива, – снова сказал барон.

Я знал – как он скажет, так и будет.

– Мы, сеньор кавалье, тихие люди, – ответил всё тем же ровным голосом каталонский вожак, – Но за нами идёт весь флот Рожера де Флора, Великого дюка империи. Вот его берегитесь. И у Великого дюка есть письмо от Сеньоров Эвбеи, что любой корабль дюка может пристать к тому берегу, на острове.

Меня отвели на моё прежнее место.

Удивительно быстро одни нахлобучивали шлемы и брали в руки маленькие щиты, а другие, посреди всей этой суматохи, садились на скамейки, загребая потихоньку вёслами воду, и вскоре бригадина уже рассекала лёгкую зыбь залива.

Я сидел и старался прикрыть дрожь левой ноги, которой опирался на ребро корабля. Уже не думал о бароне. Я сам отдал себя им в рабство. Это меня доконало, я сидел и сглатывал слюну. Чуть было не выпрыгнул за борт – к своему господину, к пыткам и виселице. Однако продолжал сидеть, как прикованный, на скамейке.

Среди волкодавов

К вечеру мы пристали к противоположному берегу, причалив в маленькой горловине устья ручья, стекавшего с крутой горы. Берег уходил вниз, волны покачивали бригадину, привязанную так, чтобы не убежала и не тёрла борта о камни. Каталонцы сидели возле трёх костров. Я стоял почти у кромки прибоя. Женщины жарили на масле мясо в котлах.

Жалкий, несчастный, я старался не смотреть в их сторону и не слушать, о чём они говорят. Голодный и потрепанный, я думал о бароне, об Элеоноре, в девичестве де Куртенэ, с белым, как снег, лицом и ласковой улыбкой.

Солнце зашло за горы на западе, но его лучи ещё скользили по высокому, крутому, как стена, склону.

Голова кружилась от запаха жареного мяса. Они ещё не приступили к трапезе, сидели, попивая вино и отпуская шуточки.

– Никита!

Я пошёл к костру Манеля. Его жена, Антония, засыпала мясо крупой с капустой и стала медленно размешивать широкой, как весло, доской.

–Те! Бери! – мне протянули чашу с вином, но от другого костра их предупреждающе окликнули, дескать, не надо давать вино.

– Крещёный? – спросил меня Анхель, племянник Манеля, огромный, как медведь, но с доброй мальчишеской улыбкой.

Я пожал плечами – ну, не еврей же? Перекрестился. Догадался, слава Богу, что надо слева направо.

– Не продадим тебя, – сказал кто-то, – Мы не стервятники-генуэзцы.

Я спросил:

– Вы ждёте остальные корабли?

Они злобно усмехнулись – нет других кораблей. Они одни по глупости влезли в этот чортов пролив между Эвбеей и Беотией. Флот прошёл справа от острова и, наверное, все корабли уже далеко впереди.

– Никита! Vine! Иди сюда!

Это кричали уже от другого костра, от котла Акилино.

Я пошёл к ним. Акилино что-то сказал и мне вручили дубинку, которая должна была выполнять роль меча, и отправили с его сыном Нино к освещённой бликами огня воде. Его жена, мать Нино, стала кричать, что её сын в такой темноте может остаться без глаза.

– Ты был на войне, Никита? – спросил меня Нино.

Он был крепкий, выше остальных (они все были приземистые, плотно сбитые), лет на пять старше меня.

– Нет, – сказал я.

Он сразу с силой на меня набросился.

Я еле успел отбить удар, потом замахнулся, ушёл на шаг в сторону и отступил. Он снова налетел, ударил сверху, опять сверху, потом шибанул дубинкой мне по ногам, однако я его отбил и ударом отбросил его назад.

Нас окликнули: «Хватит!»

Кажется, его спросили, как я? Он пробубнил: «El canell». Дескать, кисть у меня слабая. Как бы не так. Сержанты меня и сильнее дубасили. Хотя этот тоже дрался, как зверь.

После неожиданной проверки, захмелевший от нескольких больших глотков вина, я ел горячую кашу и икал.

– Куда же вы путь держите? – спросил я.

Они рассмеялись:

– Рожера женить.

Я огляделся: кто тут Рожер? Они разразились восторженным смехом:

– Да нет его здесь! Будем дюка женить. Великого дюка Рожера де Флора! Большая свадьба намечается.

– А кто невеста? – спросил я, выпив вина и забыв про все свои страхи.

– Императорская дочь! Ты только глянь, не каждому такую дадут. Потому и нас, гостей, столько поплыло.

Увидев моё недоверие, пояснили, что это дочь императора *Загоры*, племянница императора Андроника, самая красивая и умная девушка на свете.

Загора – под этим названием иногда упоминалась Болгария в средневековых западных источниках. –

– Держи, – сунули мне в руки горсть сухарей, – От сицилианского короля. Это он так расщедрился, чтобы от нас отделаться.

Анхель стал рассказывать, как их выпроводили из Сицилии, выделив каждому, кто пойдёт с Рожером де Флером, будь то мужчина, женщина или ребёнок, по квинталу сухарей, по десять головок сыра и по солёному окороку на четверых. Все радовались, хотя было немного обидно, что так легко расстанется с ними король-победитель.

Потом я ещё больше опьянел и как во сне стал читать им стихи трубадуров, а каталонцы смеялись.

Поведал втихаря Анхелю о своей донне, о том, как я её люблю и как она меня предала. Он выслушал с серьёзным видом, а потом громко рассказал о моих любовных страданиях всем остальным. Каталонцы пришли к общему решению, что это не предательство, она же мне не супруга, перед Богом не клялась.

Анхель встал, разом перекинул своё тяжёлое тело на бригантину и стал рыться в тюках. Потом будто вечные воды Эвбейского залива запели струнами лютни:

«Три красотки в городе Торен
Айша, Фатима и Мариен»...

Меня поразило, насколько красив был грустный голос. От вина, от чувства миновавшей опасности на глаза стали наворачиваться слёзы.

Когда шли быстрые удары по струнам, казалось, что голос должен следовать этим звукам, но он разливался над затихшей водой медленно, с печалью. В темноте было слышно, как певец постукивает пальцами по корпусу лютни.

«Три весёлые красотки
Пошли за яблоками в сад.
И попали в плен, в Торен,
Айша, Фатима и Мариен»...

Я сказал себе, что любой ценой должен остаться с этими людьми. Дал зарок смирить гордыню, чтобы потом возвыситься. Пообещал себе не забывать никогда мою донну. О последнем подумал не случайно – когда я сидел у костра предводителя, то мне казалось, что на меня смотрят с молчаливым любопытством глаза, синие, как дальние вершины гор. Я видел её снежно-белое лицо, столь необычное для этих смуглых от рождения людей.

Потом, через годы, дал себе зарок вообще не зарекаться, но это было уже потом.

С моря, из каштановой рощи на склоне, тянуло холодом, мы все дрожали и жались к костру. Ветер разметал облака и утих, звёзды сияли, когда я смотрел на небо.

Я опять заснул у костра, как бездомный пёс, но уже как пёс, попавший в собачий рай. Сытый, в полной безопасности, как за каменной стеной. Не прислушивался к дальним звукам, не вздрагивал от плеска одиночной волны.

Манель сквозь сон что-то сказал жене и я ощутил на себе тяжесть колючего одеяла из козьей шерсти.

На следующий день бригантина неуклюже, как чайка на ветру, носилась по лёгким волнам. Гребцы вёслами толкали её вперёд, свирепые порывы ветра отбрасывали назад.

Я хотел сменить кого-нибудь, но они не обращали внимания на меня, суровые, молчаливые. Женщины дали мне одежду, чтобы я смог сменить свои лохмотья, но до этого я натёрся оливковым маслом и, наполовину спрятавшись за поклажей, куском дерева соскрёб грязь с тела.

Манель приходил спрашивать меня о ветрах и течениях, но я знал о них весьма приблизительно.

– Повернём, – сказал ему, – Там и там, затем отправимся на север, к открытому морю. Идти ещё довольно долго.

Он ходил и передавал всё Акилино.

К обеду мне сказали взять весло за скамейкой Анхеля. Сразу онемела спина, потом ноги, которыми я упирался в другую скамейку. И, наконец, стали неметь руки. Мышцы и сухожилия вытягивались, как канаты, ждал каждый миг, когда что-то лопнет.

От запыхавшихся гребцов я узнал, Акилино, *ададиль*, ошибся дорогой и заплыл в этот чортов пролив. А он, чтобы его не винили, кричал:

Ададиль – командир альмогаваров (лёгкой пехоты, состоявшей из каталонцев и арагонцев).

– Давай! *Avui dia de la vostra gloria!* Сегодня день нашей славы!

И лыбился, не обращая внимания на их ругань.

После обеда уже сделали поворот. Поплыли на восток через более узкий проток, ветер всё время дул навстречу. Он с силой сбивал брызги от передних вёсел и поливал наши спины. Постепенно я стал подозревать, что с нами играют злые силы. Лишь только корабль поворачивал кормой налево, ветер спереди начинал дуть прямо в нос и возвращал нас назад, если только на миг мы опускали вёсла. На моих ладонях вздулись волдыри, лопнули и вытекли прозрачной жидкостью. Грести было очень больно, но никто и не думал останавливаться. Как и остальные, я костерил Акилино, но не вслух, а про себя.

Вечером мы в последний раз пристали к берегу Эвбеи. Акилино, пятидесятилетний, с мягкими, волнистыми волосами, тронутыми сединой, пригласил меня к своему костру. Все сидели молча, молчал и Акилино.

– Никита, и куда ты собрался? – спросил он меня, после того, как посмотрел мою грамоту и передал её своему брату Манелю. Манель, придуриваясь, поднёс её к огню, вроде как хотел бросить её в пламя, но потом, улыбнувшись вернул её мне.

– Она ничего не стоит. Но ты её, однако, береги.

– Грамота чего-то стоит, когда к ней прилагается меч, – высказался Акилино.

Это и так всем было известно, но слушали его внимательно. Я обрадовался – ведь я и на самом деле принёс сюда эту грамоту вместе с мечом, добрый знак.

– И мы все такие же нищие, как и ты, – сказал Акилино.

Люди засмеялись, не поверили. Он взмахнул рукой, чтобы все замолчали.

– Да, деньги у нас есть, нам ещё и в Монемвасии дали на четыре месяца вперёд, хвала Рожеру! И что мы можем сделать на эти деньги? Купить дом? Где? На чьей земле? Купить землю? Где эта земля?

Кто-то смотрел в сторону, кто-то водил палкой по земле или ворошил костёр, но слушали все. И понимали, о чём он говорит.

– Завтра сдохнем, как собаки, на дороге. Рано или поздно это случится. Если места себе не найдём, как ты себе место ищешь. Сейчас мы идём вызволять христиан от турок. За морем много земли. Греческой, но она пока под турками. И вот эту землю мы отобьём и заживём там. Будут у нас крестьяне, да, Анхель? Мы будем за них драться, защищать их, а они будут нас кормить. Так ведь?

Каталонцы закивали. Анхель с сомнением почесал затылок.

– Сколько там земли и сколько съёл? Не многовато ли нас? За Рожером де Флором тысячи людей пошли.

– Нет, не многовато, – ответили ему, – Турки отобрали у императора землю на тридцать дней перехода.

– До старости не все доживут, – сказал Арнау, зять Акилино, обняв за шею молодую жену, – Одних убьют, остальным больше достанется.

– Никита, – вкрадчиво спросил Акилино, – Какой самый тяжкий грех на свете? Я замешкался. Сказать: «Не убей»? Это бы звучало глупо – среди таких людей.

– Падре Францеск!

– Que? Чего? – крикнул издали отец Францеск.

– Для человека – какой самый тяжкий грех?

Там, у другого костра, о чём-то говорили, поэтому ответ чуть опоздал.

– Иуды. Грех Иуды Искарота.

– Слышал? – спросил меня Акилино, глядя при этом на всех, – Христа погубил Каиафа. Распял его Пилат и умер наш спаситель в страшных муках. Но кто о Каиафе знает? Кто его

помнит так, как помнят Иуду? И будут помнить, пока живут на свете люди. Вот это и есть самое страшное – предать человека, который тебе доверился. Хочешь быть с нами?

Я был настолько не готов к этому, что только кивнул. Я, который не хотел подавать копьё рыцарю Юсташу, который не хотел идти в солдаты, чтобы не быть убитым, кивнул с пересохшим ртом.

– Здесь всё старое, сама жизнь старая, – сказал Акилино мне и всем остальным, – Земля захвачена и поделена до последней пяди. Уйдём за море, нас ждёт много работы. Будем драться и возьмём своё. Не хочу всю жизнь скитаться. Не буду продавать свой меч, а буду драться за своего господина, свою землю и своих крестьян.

«А знает ли об этом император Андроник?» – подумал я.

Акилино продолжил:

– Поэтому ты должен быть готов умереть за каждого из этих людей. Даже если будешь истекать кровью, должен броситься, дойти, поползти, но спасти своего товарища. Не выручишь – значит, ты Иуда. Здесь каждый готов за тебя умереть. Ты готов?

Я вообще не был готов, знал их только со вчерашнего дня. Но посмотрел мельком на их лица и понял, что он говорит правду. Они не смеялись, смотрели строго, торжественно, будто видели день, в который умрут за меня. И я подтвердил – да, готов.

В следующие дни я привыкал к боли. Утром вставал и не мог сжать пальцы в кулак. Там, где появились первые волдыри, были уже кровавые мозоли. Каждый раз, когда тянул на себя весло, закусывал от боли губы. «Должен выдюжить!» – повторял я себе. Барон ещё в детстве мне говорил: «Не отступай!»

«Есть три вида лошадей, – говорил мне барон. – Боевой конь, это совершенное творение. Есть лошадь посредственная, она годится только для работы. И, наконец, подлая лошадь, которая потянет телегу в гору и посередине начинает дёргаться и пятиться. Такую лошадь бьют топором по голове и пускают на колбасу.»

Мне нельзя было отступать.

Впервые я был постоянно на виду у людей.

На четвёртый день я от каталонцев сбежал.

Забрался на гору большого, изрезанного морем острова, пока они грузили на корабль воду и шастали по тавернам. Я сидел под столетним деревом, листья которого были похожи на мечи, и глядел, как бригантина покачивается у причала. Ждал, когда корабль отплывёт и меня минует эта доля, поскольку это был путь к смерти.

Убьют в сражении, или как ещё до моего появления один каталонец по прозвищу Сержант убил своего товарища с передней скамьи. Не упоминали его имя, он был уже мёртв. Сержант всё время задевал его веслом, будто нечаянно. Оба выскочили в проход между скамейками, меч одного вошёл в другого и всё. Люди гадали, из-за чего они подрались. И женщина у них была одна на двоих, были с ней по очереди, через вечер. А меня посадили на место убитого, отдали мне его одежду и одну из его четырёх унций золота. Предоплата от предоплаты, полученной когда-то убитым, чтобы я купил себе дротики, полусандали и всё, что нужно альмогавару на войне.

Поэтому и сидел на самой вершине и глядел на остров, на пристань, кишевшую людьми. Говорил себе, что надо подумать, всё взвесить. И при этом знал, что не уйду от них.

С ними я уже был кем-то, был Никитой, гребцом и воином, пусть даже ещё не воевавшим. Останусь один – снова окажусь в шкуре бездомного пса.

Стал медленно спускаться вниз, потом побежал, перепрыгивая через маленькие кустики, огибая валуны. Уже боялся, как бы не остаться одному, как бы не уплыли без меня голово-резы-альмогавары.

В верхней части городка влетел в небольшую таверну и, заплатив зёрнышком перца из маленького рожка, разом выпил чашу густого вина. Пусть на корабле подумают, будто я загулял.

Через несколько дней мы стояли перед Бока д, Авер – Дарданелльскими теснинами. Догнали большой флот Рожера, десятки галер и тарид для перевозки лошадей, со знамёнами Арагонского королевства и Барселонского графства. Мы затерялись среди этих кораблей, обгоняли, лавировали между ними и наши указывали на позолоченные штандарты и гербы – дона Ферана Шемениса д, Ареноса, дона Корберана д, Алета, дона Мартина де Лограна. Рыцари, ададилы и альмогавары. Манель сказал, что в списках значатся тысяча пятьсот всадников. Больше четырёх тысяч пеших бойцов альмогаваров, больше тысячи моряков и прочих наёмных гребцов, рабов и матросов из экипажей. Каталонцы и арагонцы с жёнами, подругами и детьми.

– А у нас нет лошадей? – спросил я Манеля.

– Нет, – сказал он, – Мы альмогавары. Никто из наших не сядет на лошадь. Ну их к чорту, этих лошадей. Кормишь, холишь, а она возьмёт и сдохнет. И чем дороже стоит, тем быстрее может копыта отбросить.

Мы плыли между двумя берегами, с одинаковыми скалами, рощами, оливами и пашнями. И там, и здесь паслись козы. Но слева была Европа, а справа – Азия. Дядя Танасис бы обрадовался, что я оказался в этих местах, о которых он мне так много рассказывал.

Я уже говорил, что все наши принадлежали к семейству Марин – братья, дети, племянники Акилино и Манеля от других братьев, оставшихся на Сицилии или в родных местах.

В Пропонтиде, маленьком Мраморном море, нас подхватил попутный ветер. Вёсла отдыхали, вздувшийся треугольный парус легко нёс вперёд. Жизнь сразу стала прекрасной. Мы плыли вдоль крайнего из Принцевых островов и смотрели, открыв рты от изумления, на дворцы цареградских вельмож, на прогулочные кораблики, стоявшие на причалах рядом с дивными садами. Справа нас обогнала галера Рожера де Флора, знаменитая «Ла Оливетта».

Все только о Рожере и говорили. Мол, Рожер сказал это, Рожер задумал то. Все всё знали, будто сам Рожер делился с ними перед сном сокровенными мыслями. О его жизни рассказывали как о житие святого.

Говорили, что его отец служил германскому императору и звали его Блум, что значило «цветок». Потом его стали называть Флор, он женился на девушке из Бриндизи и затем погиб. А его сын Рожер с детства лазал по снастям в родной гавани. Стал плавать с тамплиерами в *Заморские земли*, а потом на своём корабле сражался за арагонского государя в Сицилии. После победы и заключения мира в *Кальтабеллоте* посоветовал своему господину отправить его с альмогаварами, каталонцами и арагонцами, служить ромейскому императору Андронику. Ещё в Пелопоннесе Андроник всем заплатил за четыре месяца вперёд, по унции золота в месяц, и прочее.

Святые земли, Палестина.

В 1302 году в Кальтабеллоте был заключён мир между неаполитанским королём Шарлем II д, Анжю и сицилианским королём Федерико III из арагонского королевского дома, на чьей стороне сражались каталонцы.

И вот теперь мы готовились сражаться...

Видя, как роскошно живёт константинопольская знать на этих райских островах, Сержант заявил:

– Я никуда не еду, остаюсь с гречанками!

Сказал негромко, зато Анхель с удовольствием передал его слова тем, кто находился на борту «Ла Оливетты», прокричав:

– Эй! Мы остаёмся здесь, пока вы с турками не покончите!

Оттуда ему ответили выразительными жестами. Там тоже смотрели на быстро удалявшуюся красоту за кормой.

В столице

И ветер нас вынес прямо к великому, недостижимому, огромному, овеванному легендами городу Константинополю.

Это было великое чудо, невероятное зрелище. Галеры и тариды плыли в порт огромного города. А он возвышался над морем, окружённый со всех сторон высокими стенами и могучими башнями. С дивными церквями, которых было бесчисленное количество. Никто не поверит в то, что их так много, если сам не увидит. Наш флот, который выглядел таким мощным в теснинах Дарданелл, стал казаться маленьким, скромным, когда разместился на пристанях, а некоторые суда остались на якорях в бухте Золотой рог.

Каталонцев поселили в пустующие казармы и в конюшни, побеленные и приспособленные для войска. Нам, квадриле Акилино, выделили пустой императорский дом, оставшийся ещё от латинян. Кусками от старых парусов мы поделили помещения и стали жить семьями и компаниями.

Утром, позавтракав, мы шли кто куда по улицам царского града. К бригадине, осиротевшей, оставшейся только с двумя сторожами. К Святой Софии, к церкви Святой Богородицы Одигитрии. Бесцельно шлялись по тавернам и переулкам. Город раскинулся на немыслимой территории. В городских кварталах сплошная стена из высоких домов и государственных зданий вдруг переходила в дома, подобные сельским, с заборами, огородами и садами. На рынках - изобилие продуктов, тканей, упряжи, горшков, железных изделий, в Беотии я ничего подобного не видел. И оглянуться не успел, как незаметно потратил половину своего золота. Вспомнил, как дядя говорил, что я бестолково транжирю деньги, и испугался.

– Спроси про реликвии, - сказал мне Манель с таким видом, будто речь шла о покупке репы, – Сколько запросят, столько и заплачу. Здесь этого добра навалом - мощи святых и всякое такое.

Я пообещал с некоторым сомнением, как бы меня не приняли за сумасшедшего.

– Спроси и про женщин, – добавил Сержант.

Я засмеялся: вот они, сами в руки идут.

– Такие мне не нужны, – покачал он головой, – Хочу познакомиться с приличными, достойными уважения.

Он меня опекал, помогал, одалживал деньги или вещи, если мне что-то было нужно. Был дружелюбен со всеми, но мог неожиданно посмотреть на тебя холодным взглядом, а ты потом думай, в чём провинился. Когда он говорил, каталонцы слушали внимательно, хотя он не был из семейства Марина, не был ни ададилом, ни помощником.

Город простирался, как исполинский Левиафан. Латиняне его покалечили, но тело его дышало, пульсировало могучими толчками. Сорок с лишним лет назад безумно дерзкий и удачливый отряд, посланный славным никейским базилевсом, освободил его. Тогда город, запущенный, со сгоревшими домами, являл собой печальное зрелище. Дядя говорил, что захватчики-латиняне не заботились о нём, будто знали, что однажды его покинут. И добавлял – город питается соками земли, сам по себе город прожить не может, ему нужны обширные земли. А такому городу, как Константинополь, нужна огромная империя, чтобы быть городом над всеми городами. И с Запада тебе никто ничего не привезёт, могут только отобрать и увезти на кораблях.

Теперь сгоревших домов не было видно, но все местные, когда мы восхищались городом, говорили, что никогда Царьград уже не вернёт славу и богатство, которые у него были до того, как он пал, поверженный рыцарским оружием.

По улицам ходили толпы убежавших из Анатолии греков-ромеев, с голодными отупевшими взглядами. Лежали на свалках. Когда наши покупали им еду, шли следом и рассказывали о турках, которые бродят за проливом Босфор.

– Мы голодны! – кричали они на базарах и просили хлеба во имя Господа.

– Мы умираем! – но никто из местных им ничего не давал, хотя прилавки ломились от еды и всяких товаров.

– Дрянные людишки эти греки, – сказал Манель, – Немилосердные, каких свет не видывал. Ни на что не годятся, а считают себя выше других, поэтому и Бог их наказывает.

Беженцы, потерявшие всё своё имущество из-за турок, не отходили от нас, спали рядом с нашими жилищами, встречали нас на рассвете, предлагали любые услуги. Сержант щедро оделял их хлебом, давал им и другую пищу.

Все ждали свадьбу дюка, только об этом и говорили.

Как-то утром, когда мы ещё валялись, не умывшись, на лежанках, зашёл с улыбкой Арнау, зять Акилино.

– Вставай! Тебя спрашивает Рожер де Флор!

– Он меня не знает, – сказал я, удивившись.

– Из наших только ты говоришь по-гречески. И падре Францеск, но его никто не понимает.

Мы пошли к Акилино. Он сосредоточенно остругивал новое древко для азконы, короткого копья. Его дочь Иза делала то же самое с дротиком Арнау. Посмотрела на меня своими синими глазами, ничего не сказала. Она была очень красивая и я боялся, что могу в нее влюбиться. Боялся, всегда ли мои чувства к баронессе будут такими же?

– Эээ, Никита, – сказал ададиль, так он обычно начинал разговор и потом замолкал, – На свадьбе будете охранять Великого дюка де Флора. Арнау, Сержант, Анхель и Манель. И ты.

Я кивнул, сам не свой от волнения. На императорской свадьбе.

– Слушай там внимательно, кто что скажет, будешь нашими ушами. И всегда думай о куадриле. Мы за тебя отвечаем – и за хорошее, и за плохое. Не подведи. Если можешь чем-нибудь помочь, как-то нас пристроит – пристрой. Ты будешь там на виду у дюка, императора и вождей.

Подумал чуточку, потом сказал всем:

– Смотрите в оба. Дайте ему наш меч, а сами будете с тремя-четырьмя азконами.

Значит, я должен оставить свой длинный меч.

– У меня нет копий, вы бы мне дали из...

Тут я осёкся.

– Кто тебе должен дать копье? Ты что?

Я хотел пошутить, но вовремя понял, насколько рассердился ададиль. Это было видно и по молчанию остальных.

Мне стало стыдно, что я потратил почти всю золотую унцию на всяческую ерунду, как предсказывал мой дядя. Да и не нужно быть пророком, чтобы это предвидеть.

Я вышел из отгороженного парусиной угла расстроенный. Арнау мне сказал:

– Иди, извинись перед ним. Скажешь ему: «Perdona» и будет всё в порядке.

Я зашёл обратно, провинившийся, как нашкодивший пёс, и сказал Акилино:

– Прости! Я всё улажу.

– Ладно, ничего страшного, – смягчился он, – Без копья, щита и всего прочего – ты не альмогавар, а танцовщица. Не жди, пока мы дойдём до турок. Прямо сейчас могут по нам ударить, через миг будешь мёртвым. И ты, и те, кто на тебя рассчитывает. Больше тебе я этого говорить не буду.

Я молчал, не кланяясь. Они и не ждали от меня поклона. Иза мне слегка ободряюще улыбнулась. Я пообещал себе найти оружие и быть лучше других. И при необходимости умереть за этого, поседевшего раньше времени, почти незнакомого мужчину, за его дочь Изу и за его зятя Арнау. Хотел уже идти, но он неожиданно воспользовался случаем:

– И... Если о каких-нибудь реликвиях узнаешь, скажешь сначала мне. Не Манелю. У Манеля денег нет их купить.

Я пожал плечами. Дескать, ладно. Если Манель много болтает, пусть остаётся без святых мощей. Можно подумать, будто я знал, где их найти.

Стал спешно подыскивать себе оружие и всё нужное. Гордость свою я запрятал глубоко в себя. Просил то у одного, то у другого, обещая быстро вернуть долг. Мне неохотно давали. Сержант одолжил десять аспров, я долго жал ему руку и благодарил. Он велел купить мне соли и вина, густого, крепкого вина. На остальные восемь серебряных монет он приобрёл плотную льняную ткань. Высыпал всю соль на широкий противень, залил вином и сказал, чтобы я размешивал, пока всё не превратится в жидкую кашу. Стал в этой каше замачивать ткань и складывать её в восемнадцать слоёв.

– Самые благородные доны носили такое вместо брони. Эта ткань будет твёрдой и гибкой, никакая стрела не проткнёт.

Он приладил многократно сложенную ткань мне спереди и сзади, на спине. Пока всё стекало, стянул её верёвками по бокам несколько раз. Снял с меня через голову эту необычную броню и на следующий день она была именно такой, как он говорил. Скреплённая винным рассолом, сухая, лёгкая, твёрдая. Казалось, нет такой стрелы, которая может её пробить.

В ночь перед свадьбой дюка мне снился сон, из которого не хотелось выходить. Я видел милое лицо баронессы Элеоноры де Клари, урождённой де Куртенэ, сжимал в объятиях её тело и всё, о чём я мечтал, сбывалось. Мои желания были безграничны. Этот сон должен был длиться вечно, поскольку исправлял несовершенство этого мира.

Я ожидал, что-нибудь да случится, думал об этом, когда мы шли к дворцу Влахерна.

Да что тут говорить? Кто не был на императорской свадьбе, тому ещё есть на что посмотреть в этой жизни. Свадьба, правда, была не совсем императорская, но император Андроник был на ней и кум, и сват, и невесте брат, как говорится. И соимператор Михаил, его царственный сын, был там, и все великие люди империи. И наш Рожер, окружённый благороднейшими донами и рыцарями.

Всё наше войско пировало внутри, в дворцовых палатах, и снаружи, на площади и на улицах.

«Вот бы мать увидела, где я сейчас, – думал я, – Увидела, как я ступаю по обширным мозаикам, проходам и огромным залам. Ничего, что завтра снова буду мотаться по свету.»

В храм мы не ходили, ждали, когда все придут, чтобы охранять зал свадебного пиршества. Нас было человек пятьдесят, вооружённых мечами. За нами стояли пучки коротких копий, прислонённые к стенам. За соблюдением порядка следили другие, а наш отряд был готов вмешаться при необходимости, вынести на своих плечах жениха, если потребуется, растоптав всё на своём пути.

– Не робей, – сказал мне Сержант, – Никогда ничего не бойся! Испугаешься – умрёшь.

– Не испугаюсь – всё равно умру, – засмеялся я.

– Да, можешь и погибнуть. Но если испугаешься, то *segur*. Наверняка.

Потом от праздничного стола к нам подошёл Рожер де Флор и я ещё помню, как вытянулся в струнку. Альмогавары оживились, как волкодавы, увидевшие хозяина, – радостно и с достоинством.

Это был великий человек, подобного ему больше никогда в жизни мне не довелось увидеть. Окружённый храбрыми рыцарями и мудрыми донами, которые могли воодушевить людей, бросить их в бой, или, если надо, их остановить. Которые могли от имени Каталонской компании вести переговоры с королями и герцогами, с Генуей, с Венецией и со Святым папой римским, если на то пошло. Но он возвышался над всеми, как гора Парнас над холмами в низине. Носил жезл Великого дюка и ещё какую-то особую шапку, какая положена любому высшему сановнику в Романии по рангу службы. Эту шапку вместе со знаменем и жезлом Рожер получил от императора, когда ещё был в Сицилии, перед отправлением сюда. Светло-

волосый, с короткой волнистой бородой. Его глаза смотрели на нас, пронизывая всех насквозь, и заставляли трепетать от восторга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.